

Автор бестселлеров New York Times

ДЖЕССИКА ПАРК

Дыши
со
мною

18+

Доверься моей любви...

Young Adult. Бестселлеры Джессики Парк

Джессика Парк

Дыши со мной

«ЭКСМО»

2013

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Парк Д.

Дыши со мной / Д. Парк — «Эксмо», 2013 — (Young Adult.
Бестселлеры Джессики Парк)

ISBN 978-5-04-110698-0

Последние четыре года моей жизни превратились в бесконечный водоворот мыслей, смятения и усталости. Я была не в силах смотреть на себя: девушку, в которой осталось так мало надежды. Такую непростительно слабую. Обрывки воспоминаний – это все, что у меня осталось. Люди всегда вели себя одинаково: банальные слова сочувствия, а затем – позорное бегство. Он – единственный, кто не расспрашивал о моем детстве и о том, что случилось. С ним я вновь научилась дышать. Он подарил мне воздух. Но у него своя собственная трагедия. И он никогда не будет прежним. А еще он считает, что у него не хватит сил любить меня.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-110698-0

© Парк Д., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	21
Глава 5	28
Глава 6	30
Глава 7	33
Двадцать первое июля	38
Глава 8	44
Глава 9	46
Глава 10	56
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Джессика Парк Дыши со мной

Jessica Park

Left drowning

Copyright © 2013 by Jessica Park

© djero.adlibeshe yahoo.com / Shutterstock.com

© Гладышева Е., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2021

Для Томми,

который есть и всегда будет моим Сабином.

Эта книга для всех, кто выжил. Кто не сломлен.

Вы можете любить и быть любимыми, несмотря на кажущуюся бесконечной жестокою природу бытия.

Даже когда вы тонете и так глубоко под водой, всегда есть время, чтобы дотянуться до того, кто снова научит вас дышать.

Глава 1

Основы

Я спотыкаюсь о первую ступеньку общежития и бесцеремонно падаю на бетон. Мгновение не двигаюсь, размышляя о том, что впившаяся в руку связка ключей должна причинить больше боли. Не говоря уже о коленях, принявших на себя основной удар.

– Прекрасно, – бормочу я, неуверенно поднимаясь и прислоняясь к двери. Тихо хихикаю и пытаюсь подобрать к замку ключ. Хорошая новость в том, что если со всей дури долбануться об пол, что, кажется, я только что и сделала, завтра, возможно, я хоть что-нибудь почувствую. Это же лучше, чем ничего не чувствовать, верно? Как вам такой серебряный луч надежды? Я прислоняюсь к огромной двери, чтобы не упасть. Погодите, что там дешевле серебра? Железо? Цинк? Может быть, цинковый луч надежды?

Мне потребовалось несколько неудачных попыток открыть замок, чтобы понять, что ключ от дома, в котором я выросла недалеко от Бостона, по понятным причинам не откроет общежитие в Висконсине. Наконец я засовываю в скважину верный ключ и поворачиваю замок.

– Я открыла дверь! – победно шепчу я сама себе. Толстая металлическая дверь невыносимо тяжелая и плохо поддается моим усилиям, поэтому я больно ударяюсь плечом о дверную раму, пытаюсь проскользнуть в узкий проем. «Еще одна победа!» – словно в тумане думаю я. Завтра меня точно настигнет похмелье, и ушибы от мебели определенно принесут боль. Так что продолжим мои бесконечные поиски физических чувств и ощущений. Любых. Тем не менее, даже в моем совершенно нетрезвом состоянии, я знаю, что синяки от пьяной ночи едва ли можно назвать шагом в сторону положительных эмоций. Но, по крайней мере, хоть что-то. Что-то кроме пустоты. Это станет отвлечением, а отвлечение всегда приветствуется.

Лестничная клетка залита отвратительным флуоресцентным светом. Она пустая, хотя в это позднее время в любую минуту может объявиться один из моих пьяных сверстников, таща за собой девчонку на ночь. Я действительно не понимаю, как люди вообще спят друг с другом в кампусе. Любой, даже смутно привлекательный в обычной обстановке, становится значительно менее симпатичным на обратном пути в комнату общежития.

Пьяные глаза не годятся при таком ужасном освещении. Я прислоняюсь к стене на лестничной площадке второго этажа и достаю из кармана телефон. Отражение в маленьком черном экране подтверждает подозрения. Мои и без того непослушные пряди выбились из хвоста, образуя кудрявый ореол, и даже в темном отражении в телефоне мне видны мешки под глазами. Я похожа на психа.

– Я похожа на психа! – кричу я, слыша эхо невнятных слов. Может, я всегда так выгляжу? Не то чтобы меня это волновало. На самом деле, я мало времени провожу перед зеркалом, да и вообще почти не занимаюсь своей внешностью. Я такая, какая есть, и на этом все. По большому счету это неважно. И никто не обращает внимания. Тем не менее, я все равно выгляжу как псих.

Добравшись до своей комнаты, я практически вваливаюсь в открытую дверь. К счастью, у меня нет соседки, которая могла бы пожаловаться на шумное появление. Она съехала несколько дней назад, предположительно, чтобы жить с не такой психопаткой, как я, а потому комната на двоих теперь вся принадлежит мне. Я не виню бедную девочку. Если вы собираетесь застрять в относительно небольшом кампусе за пределами Мэдисона, штат Висконсин, то лучше окружить себя веселыми людьми.

Я прохожу по темной комнате, пинаю нечто, очень похожее на учебник по антропологии, и заваливаюсь на матрас. О, ирония в том, что я заменила свою односпальную кровать

в общежитии полноразмерным матрасом. Любой при виде его может подумать, что я вожу домой парней.

Но я неудачница в этой области. «Добавьте это в чертов список», – говорю я сама себе. Я упустила кучу парней из кампуса, с которыми знакомилась по пьяни, а потом отшивала еще до того, как что-либо могло произойти. Мысль о чужих руках на моем теле вызывает тошноту. Это ненормально. Я понимаю. Вот почему, напившись, у меня всегда появляется идея, что секс без обязательств это забавно и заманчиво. Ради всего святого, решишь я когда-нибудь на такое, сразу окажусь в хорошей компании. Множество моих двадцатидесятилетних сверстников тайком возвращались домой в предрассветные часы. Я слышала, как эти якобы постыдные ночи со смехом пересказывались со всеми грязными подробностями.

При желании я могу завлечь парня. Алкоголь мне помогает. И парни ведутся, хоть я и понятия не имею почему. Полагаю, это естественно – хотеть общаться с другими людьми. Вот только мне не хотелось. Совершенно. Наверное, поэтому у меня нет настоящих друзей. Но я пью и играю свою роль, питаю надежду, что самовнушение работает, и что если достаточно долго притворяться, то можно вновь почувствовать себя полноценным человеком. Поначалу это занятие доставляет мне удовольствие, но к концу ночи, когда реальность возвращается и меня охватывает невыносимое одиночество, становится еще хуже.

Знаю, не очень умно охмурять парней, а потом сбегать, когда они пытаются прикоснуться к тебе. Но у меня своя стратегия. Частенько я мямлю о том, что я девственница – откровение, которое эффективно подавляет интерес большинства парней. Это открытие в некотором роде меня забавляет. Я считала, что парням должна нравиться идея оказаться первым у девушки. Не нужно изображать акробатические трюки и все такое, раз уж я ничего не знаю. Но похоже, что в целом умные, порядочные парни в этом маленьком гуманитарном колледже посреди заснеженного Висконсина не хотят нести ответственность за лишение девственности пьяной студентки. Поди их разбери. В любом случае, я стараюсь не допускать никаких физических контактов, хотя и отчаянно желаю найти выход, пусть и временный. Видит бог, мне все равно не понравится, учитывая, что мое либидо как у камня.

Поэтому я добавила фригидность в список. Этот тупой мысленный перечень, который изо всех сил стараюсь не вести.

Все более длинный список моих недостатков. Моих слабостей. Провалов.

Разве не должен тогда существовать и список достижений? Или хотя бы...

Чего-то нормального? Я пытаюсь сосредоточиться. Чертов ликер все усложняет, но я стараюсь. Это важно.

Я не ужасный студент.

Регулярно моюсь.

Много знаю о приливах.

Ем почти все, кроме изюма.

Господи. Снова мысли разбежались. Может, я и пьяная, но способна на большее.

Я овладела искусством меланхолии.

У меня сомнения относительно того, можно ли это даже смутно считать «достижением». Я снова задумываюсь, намереваясь найти что-то стоящее признания.

Я выжила.

Смех, срывающийся с моих губ, ужасен. Резкий звук эхом разносится по пустой комнате. Я настоящий гребаный Гарри Поттер! Я взвизгиваю:

– Черт!

Сажусь и скидываю обувь. Телефон все еще в руке, и я тупо смотрю на него.

Я никогда не брошу брата.

По крайней мере, это должно оказаться в хорошем списке. Не думая о том, что говорить, я хватаю телефон и звоню брату.

– Господи, Блайт. Чего ты хочешь? – ворчит Джеймс.

– Извиняюсь. Я тебя разбудила, да?

– Да, разбудила. Сейчас три часа ночи.

– Разве это поздно? Ты ведь тоже в колледже учишься. Думала, ты только пришел домой. – Я жду, но он ничего не говорит. – Как учеба? Как нога? Держу пари, с каждым днем ты становишься только сильнее.

– Учеба нормально, и отвали с вопросами о ноге, ладно? При каждом разговоре задаешь их. Хватит. Лучше уже не будет, а это дерьмово. Прекрати спрашивать. – Мой брат зевает. – Серьезно, ложись спать. – Явное раздражение и отвращение в его голосе прожигают меня насквозь.

– Джеймс, пожалуйста. Прости. – Проклятье. Я не могу скрыть пьяные нотки в своем голосе. – Мы никогда не разговариваем. Я хочу слышать твой голос. Удостовериться, что у тебя все в порядке.

Он вздыхает.

– Да. Я в порядке, насколько это возможно. А вот ты, судя по голосу, настоящая катастрофа.

– Ха, как мило.

– Очень. – Джеймс замолкает. – Маме с папой это дерьмо не понравилось бы. Ты это знаешь. Можешь просто?... Давай в другой раз?

– Я так сожалею обо всем. Мне нужно, чтобы ты знал. Действительно знал об этом. У тебя все может наладиться. Я хочу...

– Не надо. Не сейчас. Не снова. Мы больше не будем начинать этот гребанный разговор.

– Ладно. – Я гляжу в темноту за окном. Сейчас предрассветные часы конца сентября, и я знаю, что грядет. Ничего хорошего. Одно и то же каждый год. – Конечно, Джеймс.

От нелепой попытки изобразить веселье и беззаботность мой голос прерывается.

– Поговорим потом. Береги себя, Джеймс.

Что ж, все прошло хорошо. Я и не ожидала лучше. Пьяные ночные звонки обречены на провал. Я в курсе, потому что уже делала так раньше. Трагедия в том, что после каждого звонка брату по пьяни я решаю, что следующий разговор пройдет более гладко. Но даже если позвонить днем в трезвом состоянии, лучше не выходит. Разговор получается натянутым и неловким.

Я тяжело вздыхаю и включаю приложение фонарика на телефоне. Мне оно нравится, можно выбрать не обычный белый свет, а любой, какой взбретет в голову. Я кладу телефон на постель, и он частично освещает комнату призрачным синим светом.

Когда я встаю и шаркаю к маленькой раковине, то чувствую, как подпитываемая алко-голем энергия окончательно покидает тело. После нескольких попыток мне, наконец, удается завязать длинные спутанные волосы в пучок на макушке. Несколько прядей выбиваются и свисают на лицо. Я не в силах смотреть на себя – на девушку, в которой осталось так мало надежды. Которая настолько непростительно слаба. Я стыжусь собственной неспособности сделать что-то лучше. Я клянусь хотя бы следующие сутки провести без выпивки.

Вода из-под крана ледяная. Проходит минута за минутой, пока я набираю в ладони воду и выливаю себе на лицо, и не прекращаю, пока не останавливается горячий поток слез.

Глава 2

Важные поступки

Шесть часов утра в субботу – для меня не самое подходящее время для пробуждения. Я недовольно смотрю на часы. Что ж, ничего не поделаешь. Я не сплю. Мой выбор – либо встать и пережить этот день, либо остаться в постели и провести следующие несколько часов, погружаясь в неприятный и знакомый водоворот мыслей, паники, депрессии и апатии, преследовавшие меня последние четыре года. Лучше выбираться из постели. Я моргаю в темноте и поражаюсь, как устала и как мало во мне желания бороться.

Его отсутствие явно проявилось вчера, когда я встретила с моим пятым, и предположительно последним, научным руководителем, какой-то женщиной по имени Трейси. Женщиной, которая, кажется, возомнила, будто способна с легкостью поправить мои дела в колледже. Она определенно не понимает, с кем имеет дело. Или, может быть, забыла учесть, что у меня есть только восемь месяцев, чтобы дотянуть до выпуска.

Я делаю глубокий вдох и шевелю пальцами ног. По крайней мере, у меня нет похмелья, потому что я осталась верна своей клятве и провела целые сутки без выпивки. Это приятные перемены. После отвратительного разговора по телефону с братом два дня назад меня мучило раскаяние о том, на что я способна, когда напиваюсь. Не говоря уже, как ужасно было встречаться с руководителем, страдая от самого жестокого похмелья. Уверена, я оставила целую лужу пропитанного алкоголем пота на офисном стуле.

Я включаю лампу возле постели и ногами откидываю простыни, снова радуясь, что у меня нет соседки, которая бы ворчала за столь ранний подъем. Мое тело освещается желтым светом, и я невольно вздрагиваю, когда сажусь и вижу свои ноги, покрытые синяками после падения во время той пьяной ночи. Как правило, я мало задумываюсь о своей внешности, но даже мне понятно, что ужасно выгляжу не только из-за синяков. Ноги и линия бикини остро нуждаются в бритве. Осмотрев себя, я признаю, что было бы неплохо иногда тренироваться. Выживание на скудной пище и слишком большом количестве пива и текилы не очень хорошо сказывается на фигуре. И неудивительно. Я свожу ноги и смотрю на бедра. Они одновременно костявые и дряблые – суперпривлекательное сочетание.

Я рывком отдергиваю штору, закрывающую единственное окно, и морщусь от громкого скрежета по карнизу. На улице все еще темно, но сам акт открывания штор кажется нормальным. Именно так поступают люди, когда просыпаются. Это важное действие, и по каким-то причинам я решаю, что вся суббота должна стать днем важных поступков, если не связи с реальным миром. Я уже приняла лучшие решения за последнее время: рано вставать и не пить двадцать четыре часа.

Натянув джинсы, толстовку, закрутив волосы в узел и почистив зубы, я запикиваю несколько вещей в рюкзак и направляюсь в студенческую столовую. Если надеюсь сегодня сделать еще что-нибудь важное, мне понадобится кофе.

Обычно здесь полно студентов, но в этот час столовая пустует, за исключением сотрудника за прилавком – несчастной жертвы, совмещающей учебу с работой.

– Кофе? – спрашивает он.

Я киваю.

– Два, пожалуйста. Самых больших. Без молока.

Он заглядывает мне за спину.

– Да, оба для меня.

Я пальчиками отбиваю ритм по стойке, пока он наливает.

– Держи. – Он защелкивает крышку на каждом стаканчике и берет мой студенческий билет.

Я благодарю и оглядываю помещение. Обычно я сижу у стены возле запасного выхода, но раз тут сегодня так пустынно, то решаю усесться в центре и закидываю ноги на соседний стул. Первый большой глоток кофе такой крепкий и горький, что меня бросает в дрожь, но я знаю, что к четвертому глотку станет легче. «Прямо как с шотами!» – думаю я.

Я проверяю телефон. Спустя два дня от Джеймса все еще ни одного сообщения. Я, конечно, и не жду, но так тяжело не надеяться. «Ага, – думаю я, – ну вот опять. Надежды». Может, однажды ночью он пьяный позвонит мне после студенческой вечеринки и засыплет вопросами обо всем, что не так с нашими безнадежно испорченными отношениями. Внезапно я почувствовала себя идиоткой. Ну разве не глупо на такое надеяться? Чего мне действительно хочется, так это встретиться с ним, трезво решить все невысказанные проблемы и стать близкими друзьями. Какими и должны быть. Я мысленно скривилась. «Можно подумать, такое возможно». Наверное, хорошо, что он поступил в колледж в Колорадо, подальше от меня, чтобы я не могла в любое время запросто явиться к нему в общежитие.

Я закрываю глаза и делаю глубокий вдох. «Просто переживи этот день, Блайт. Ты можешь это сделать, черт подери». Лучше бы я не просыпалась в такую рань, тем самым сделав этот день длиннее необходимого. Но я не в постели, не в комнате, у меня кофе и даже наушники, так что можно послушать Национальное Общественное Радио. Я редко слушаю музыку. Теперь. Раньше, когда все было хорошо, я могла часами листать радиостанции, скачивать композиции и танцевать по комнате. Кататься на «Хонде» родителей и растворяться в музыке. Музыка, которая задевала струны моей души. Раньше я любила фантазировать о будущем.

Я открываю сайт «радио НПР» и прокручиваю истории, пока не останавливаюсь на довольно отвратительном отрывке про бывшего вегана, который учится разделять мясо. Когда ближе к концу истории я узнаю, что любимое мясо у бывшего вегетарианца – это свиные ноги (вот они, мечты куриных крылышек!), кто-то плюхается на стул передо мной.

– Эй! Ты взяла мне кофе! Очень предусмотрительно.

Вздвогнув, я поднимаю глаза. Передо мной стоит неопрятного вида парень в рваной футболке и джинсах. Он снимает ковбойскую шляпу, являя черные волосы, которые торчат во все стороны – хотя, должна признаться, весьма очаровательно. Щетина на его подбородке как минимум трехдневной давности. А глаза, хоть и покрасневшие, но пронзительного голубого цвета. Он большой мальчик. Не толстый, но крупный. Судя по шлейфу, думаю, он хорошо накачался пивом. Но больше всего в глаза бросается широкая улыбка во весь рот. Ну и еще то, что он самовольно хватает мой второй стаканчик кофе.

И делает глоток.

– Знаешь, а это действительно неплохой кофе. Конечно, конечно, все любят возникать и жаловаться, мол, кампусный кофе – жуткий отстой, но это только предлог, чтобы мамы и папы спонсировали постоянные поездки в дорогущую кофейню в конце улицы. Как она называется? «Бобы-Бобы», верно? Какое тупое название. А вот название моей театральной постановки звучит не так тупо: «Бобы-бобы: Музыкальные». Раз уж ты щедро угостила меня кофе, я должен отблагодарить тебя и предоставить места в первом ряду. И за кулисами! Подожди, ты еще познакомишься с парнем, который играет Дьявольскую Мясорубку Номер Три. Во время представления он напугает тебя до усрачки, но в глубине души он хороший человек. – Парень замолкает, чтобы сделать большой глоток из стаканчика, а потом грохает кулаком по столу и ухмыляется: – Улетно, да? Прямо как я люблю.

Я моргаю и жду, когда закончится этот театр одного актера. Он наклоняет голову набок и продолжает смотреть на меня, пока я пытаюсь решить, что делать дальше.

Он наклоняется.

– Перебор?

«Да, ты немного странный». Но я молчу.

Он протягивает руку.

– Я Сабин.

– Блайт. – Я пожимаю ладонь. Как бы мне ни было неловко от физического контакта, я чувствую себя удивительно непринужденно, когда его большая рука обхватывает мою. Прикосновение каким-то образом успокаивает.

– Блайт, для меня большая честь познакомиться с тобой. – Он похлопывает второй ладонью по моей, а я все еще не отстраняюсь. – А теперь расскажи, почему так рано не спишь?

– Просто... Не знаю. – Я морщусь лоб. «Кто этот парень?» – Не спится. А ты почему не спишь?

– Подловила! В моем случае вопрос должен звучать: «Почему я так долго не ложусь?»

Я застенчиво улыбаюсь.

– Ох, понятно.

Несколько мгновений мы сидим молча, не разъединяя рук, а он выжидающе смотрит на меня. Мне стоит убрать ладонь, но я просто не могу. Он странный, но очень милый.

– Ты не собираешься спрашивать, почему я еще не в кровати? Учитывая наши близкие отношения, думаю, что мое местонахождение будет чрезвычайно актуальным вопросом. Ты должна сходить с ума от любопытства. Был ли Сабин всю ночь в караоке в парке развлечений? А может, его похитили инопланетные козы-ковбой? – Он указывает на шляпу на столе и вскидывает бровь. – А потом подвергли унижительному и в то же время возбуждающему обыску с раздеванием? Или обдолбанный и не очень умелый татуировщик из благих побуждений вместо «Господь любит меня» навсегда заклеил его «Я люблю сыр»?

– Ох. – Даже учитывая эту странную речь, я чувствую себя менее неловко, чем обычно при разговоре с незнакомцами, хотя все еще совершенно растеряна. – Мне следовало сразу же задать эти вопросы. Извини. – Я пытаюсь разобраться в ситуации, гадая, не флиртует ли он. Не очень-то похоже. – Ну, – говорю я, – почему нет?

– Почему нет что?

Господи Иисусе.

– Еще не в постели?

– Ох! Да! – Его хватка становится крепче, он встает, увлекая меня за собой, и прижимает мою руку к груди. – Я встречался с девушкой, так что технически в постели я уже был. Просто не спал. Ее зовут Кристал, и она божественна. Сногшибательно красива. И, – говорит он, подмигивая, – просто ангел в самом «неангельском» смысле. Я влюбился.

Я не могу сдерживать смех. Особенно потому, что он определенно не пристает ко мне. Он уже влюблен. Ну, или чувствует влечение.

– Спасен хорошей девушкой? – предполагаю я.

– Пока что. – Еще раз подмигивает. Он отпускает мою руку, снова откидывается на стуле и надевает свою ковбойскую шляпу. – Вот теперь ты знаешь обо мне все что нужно. Давай послушаем о тебе, мисс Блайт. Ты новенькая?

– Что? – возмущаюсь я. – Нет. Выпускной курс.

– Мои извинения. Просто ты похожа на заблудшую овечку. Так мило. Сидишь здесь одна, рюкзак наверняка полон дорогуших учебников. Я знаю такой тип. К тому же, я на предпоследнем курсе и не думаю, что видел тебя раньше среди студентов. И ты, похоже, не знаешь, кто я.

– Вполне логично, но правда в том, что в моем рюкзаке нет учебников. И я не так уж часто бываю среди студентов. Скорее считаю дни до выпуска. – Я пожимаю плечами. Конечно, это не совсем так, потому что у меня нет особых планов на будущее, но это могло объяснить мое неучастие в жизни кампуса. – Я должна быть в курсе, кто ты?

– Если ты не большая поклонница местного театра, то, скорее всего, нет. Когда я не ухаживаю за девушками, я в театре. Значит, ты не видела меня в «Стеклянном зверинце»?

Мое выступление было не таким уж убогим, скажу я тебе. А прошлой зимой я был режиссером «Кукольного дома». – Он выжидательно молчит. – Нет? Ничего?

Я смотрю на него пустым взглядом.

– Прости.

– Мне больно. Очень больно. Учитывая, что теперь мы с тобой близкие друзья, с этого момента я требую, чтобы ты посещала все мои представления. Договорились?

– Мы теперь близкие друзья? – Его фокусы одновременно обезоруживают и забавляют.

– Ну да. Ты так не считаешь? По-моему, все правильно.

– Конечно, – отвечаю я. Его явно осеняет идея. Настроение в столовой меняется. Мое настроение меняется.

– Значит, ты придешь посмотреть на меня в «Как важно быть серьезным»? Представление будет через месяц.

– Хорошо. Я приду. – Скажу, что легче согласиться, чем пытаться объяснить мое отвращение к общественным мероприятиям. Особенно трезвым.

– А я, в свою очередь, приду, куда бы ты меня ни пригласила.

– Это... мило. Не думаю, что в обозримом будущем мне доведется случай куда-нибудь тебя пригласить, но я учту. – Меня крайне занимает крышка на стаканчике в попытках не смотреть на Сабина. Он должен так же хорошо видеть различия между нами. Я подавлена и чувствую, что честное признание в полном отсутствии общественной жизни будет выглядеть как крик о помощи. Мне это совсем не нужно.

– погоди минутку! – внезапно восклицает Сабин. – Я тебя видел! Ты хлещешь пиво из воронки круче любой девчонки!

– О боже. – Я роняю голову в ладони.

– Я дружу с настоящим чемпионом. Фантастика! – Он скрещивает руки на груди и улыбается.

– Фантастика, правда. Еще какая, – бурчу я.

– Слушай, новая подружка Блайт, огромное спасибо за кофе, но мне нужно возвращаться в общежитие и поспать. – Он сам берет мой телефон и начинает печатать, затем достает свой и уговаривает меня сказать номер. – Вот. Теперь мы на связи. В каком ты общежитии? Если захочешь заглянуть, я в Леонард-Холле, комната четыреста два.

– Хорошо. Я в Ребере. Комната триста четырнадцать.

– Веселее! – Он наклоняется и целует меня в щеку. – Ты красивая, когда улыбаешься.

И тогда ураган под названием Сабин выходит из здания, покидая сцену.

Я качаю головой. Это было... было...

Довольно мило. На самом деле, я заметно взволнована.

А потом меня накрывает с головой печаль. Этот короткий разговор – лучшее, что случилось со мной за многие годы. Насколько это ужасно?

Конечно, парень понятия не имеет, какая я унылая дурочка. Иначе наверняка никогда бы не подошел. Я вздыхаю. Рано или поздно он узнает. Наверное, когда протрезвеет.

Но эта встреча, бесспорно, придала мне сил, и я решаю взять остатки от первого кофе, раз второй выпил Сабин, и направиться к озеру. Сегодня я могу сказать, что сделала что-то необычное. Эта прогулка и станет моим важным поступком.

Глава 3

Бросатель Камней

Я достаю из рюкзака солнцезащитные очки и начинаю предположительно длинную прогулку к озеру. Встреча с Сабинном, хотя и несколько выбила меня из колеи, привела в нехарактерно хорошее настроение и побудила, наконец, совершить этот первый поход к воде. Довольно глупо, что я никогда не была на озере, особенно учитывая, что сама настаивала на выборе колледжа исключительно у воды. Почти четыре года я не осмеливалась спускаться к берегу, но, по крайней мере, все время знала, что озеро рядом. Это важно. Доступ к воде, несмотря на мое переменчивое настроение, всегда успокаивал меня.

От утренней прохлады застегиваю толстовку, но солнце уже набирает силу и через пару часов, думаю, прогреет воздух градусов до шестнадцати. На улице хорошо. В конце концов, солнечный свет разгоняет депрессию. Не то чтобы я ее чувствовала. Конечно, несколько симптомов у меня есть, но, думаю, они имеют право на существование. Любой в моей ситуации был бы подавлен, верно? Да и весь смысл депрессии сводится к... депрессии. Кажется, никто не принимает во внимание, что мои чувства могут быть оправданы. Ну и что с того, что я часто нахожусь в апатии и половину свободного времени напиваюсь до бесчувственности? Я не плачу все время. Вспоминаю учебник по психологии и морщусь, думая о том, насколько четко мои симптомы соответствуют клиническому определению.

«Ладно, ладно. Я в депрессии. Вот. Я это сказала».

А вот что мне действительно интересно с точки зрения психологии, что хотя и болезненно осознаю свои чувства и симптомы, я не могу от них избавиться и двигаться дальше. Полагаю, я застряла на месте. А это в свою очередь тоже признак депрессии.

Я отмахиваюсь от слабых попыток самоанализа, надеваю наушники и остаток прогулки слушаю новости по радио. Достигнув озера, я нахожу тропинку через заросли кустарника, которая выводит меня к маленькому пляжу, покрытому травой и галечным песком. Озеро потрясающее, особенно в это раннее утреннее время. Я снимаю наушники. Вокруг абсолютная тишина, кроме редких всплесков воды. Похоже, я на менее популярной стороне озера, но на противоположном берегу вижу широкий пляж и несколько пришвартованных лодок.

Я сажусь и ерзаю на песке, устраиваясь поудобнее. Воздух здесь свежий и бодрящий. Я могу дышать. Почему раньше сюда не приходила?

Что ж, я знаю ответ.

Дело в сложных отношениях с водой. Как говорится, «от любви до ненависти». Конечно, чаще я ее любила. Но еще она напоминает мне о прошлом, за которое я цепляюсь и одновременно бегу от него. Пусть я ни разу и не была здесь за все годы учебы в Мэттьюсе, но я чувствовала присутствие воды, а это важно. Я хотела иметь возможность прийти сюда, когда буду готова. По-видимому, сегодня как раз такой день, потому что чувствую себя здесь великолепно. Здесь необыкновенно. Фотографии и картины и близко не передают удивительную красоту утреннего света. Такую, как сейчас.

Обычно реальность не очень меня занимает, как мечты, но в данное мгновение она прекрасна. Я одна, но на этот раз не одинока, сижу у воды и люблюсь, как солнце начинает взбираться по ясному голубому небу.

Но обведя взглядом берег, понимаю, что все же не одна. Здесь еще один человек.

Он стоит примерно в двадцати метрах от меня, прямо у кромки воды. На нем нет рубашки, только джинсы и голубые кроссовки. Его профиль четко вырисовывается на фоне рассвета, и я наблюдаю, как парень смотрит на озеро. Его черные волосы легкими волнами

спускаются почти до плеч. Он, должно быть, ростом не меньше шести футов, статный и подтянутый. Не перекачанный, как штангист, но выглядит невероятно сильным.

Я так пристально смотрю на него, что забываю, как дышать. Я заставляю себя сделать глубокий вдох и выдох.

Кристалльно чистые мысли меня поражают. «Он уверен в себе и сосредоточен».

Я не могу отвести глаз.

Парень опускает взгляд и ковыряет носком землю, прежде чем наклониться и подобрать что-то. Как ни странно, я догадываюсь, что он собирается сделать, и бессознательно улыбаюсь, когда он отводит руку назад и пускает камешек по воде. Я пытаюсь подсчитать прыжки. Один, два, три, четыре, пять... Отсюда плохо видно. Он отходит на пару шагов и снова ищет на земле камни. Я наблюдаю, как он бросает другой. А потом следующий.

Его движения плавные и легкие. Он уже делал это раньше – заметно по четким и размеренным движениям. Он кажется мне свободным, намного свободнее меня. И я снова задерживаю дыхание, глядя на него. Понятия не имею, почему меня так тянет к этому незнакомцу. Но это чувство неоспоримо.

Бросатель камешков снова оглядывает землю, а потом тянется в передний карман джинсов и снова отправляет камень скакать по поверхности воды. Умный парень. Принес с собой. Я знаю, каким должен быть идеальный камень, чтобы разрисовать им водную гладь узором из кругов. В детстве я искала точно такие же, хотя, сколько бы ни старалась научиться, получалось не очень. Этот же парень настоящий мастер.

Вдыхаю и выдыхаю снова, удивляясь, почему чувствую себя такой потрясенной от одного лишь его вида. Странная мысль вспыхивает в моем сознании. «Он прошлое, настоящее и будущее». Я яростно трясую головой. Какого хрена со мной творится? Это из-за того, что я не пила прошлым вечером? Может, у меня начинается какая-то странная ломка без выпивки. Наверное, мне лучше вернуться в общежитие и забраться в постель. Но соблазн наблюдать за бросателем камешков слишком велик, и я не могу заставить себя уйти. Я прекращаю бороться с собой и откидываюсь назад на локти.

Проходит двадцать минут, а парень все еще занят тем же. Мне нравится, как он выжидает перед броском, оценивает воду и несколько минут потирает камень в руке, чтобы почувствовать его форму и текстуру, взвешивает его на ладони. Делает паузу после каждого броска, позволяя ряби исчезнуть, чтобы потом начать все сначала.

Не отдавая себе отчета в том, что делаю, я встаю и иду к нему. Должно быть, он заметил меня краем глаза, потому что слегка повернулся в мою сторону и улыбнулся. Со своего места я видела, какое привлекательное у него тело, но я не ожидала, что и его лицо окажется таким красивым. Чем ближе я подхожу, тем больше жалею, что не осталась на месте. Мне хочется поморщиться, когда отмечаю привлекательность четко очерченного подбородка – плохой знак. Тот, кто настолько сексуален, обычно настоящий засранец. Я почти не забочусь о своем теле и редко обращаю внимание на других, но плоский живот и пресс, как у него, трудно игнорировать.

– Привет, – заговаривает он первым.

Ох. Я пялюсь. Так откровенно. И не в глаза. Его руки – самые прекрасные из всех, что я видела.

– Прости. Эм... Привет. – Я с трудом подбираю слова, и мне становится только хуже, когда поднимаю взгляд. Парень убирает волосы с лица. При виде его зеленых глаз под густыми, темными бровями у меня практически подгибаются колени. Это смешно. Он всего лишь человек. Я делаю глубокий вдох и пытаюсь критически взглянуть на него. После еще одной минуты пристального разглядывания с облегчением отмечаю, что он, вероятно, не идеал каждой девушки. Немного худощавый, нос кривоват. Но мне это очень нравится. Я вижу совершенство там, где другие не замечают.

– Привет, – снова повторяет он, кажется, слегка забавляясь.

– Я видела, как ты кидал камни, – выпаливаю я. – Здорово получается.

– Годы практики.

Я переминаюсь с ноги на ногу, поджимая пальцы в кроссовках и снова жалея, что не осталась на своем месте. Я не понимаю, что творю.

– Я... У меня никогда нормально не получалось. В детстве часто пыталась, но мои камни всегда просто тонули.

– Я очень много тренировался. Нужно бросать достаточно сильно. Но и осторожно.

Я киваю.

– Ладно, прости, что отвлекаю. Просто хотела сказать, как мне понравилось наблюдать. – Я делаю паузу и беззастенчиво добавляю: – За тобой. Было приятно наблюдать за тобой. – Я поворачиваюсь, чтобы уйти, потрясенная собственной выходкой.

– Эй, – окликает он меня. – Хочешь, научу? Могу дать пару советов, если хочешь.

Я оборачиваюсь, понимая, что противиться совершенно бесполезно.

– Если ты не против, это было бы... круто. – Я не могу сейчас придумать лучшего слова, кроме «круто», потому что этот незнакомец по каким-то причинам заставляет меня чувствовать себя еще более сумасшедшей, чем обычно.

– Кстати, я Кристофер Шепард. Крис. Как тебе больше нравится.

– А тебе как нравится?

– Как и тебе, – Крис улыбается. – А ты?...

– Я Блайт Макгвайр.

– Приятно встретить такого же любителя камней. – Он мягко улыбается, и я очарована тем, как один уголок его губ приподнимается выше другого. Это заставляет меня нервничать и восхищаться одновременно. – Думаю, я уже все вокруг обшарил на предмет подходящих камней, но мы можем прогуляться, чтобы найти еще.

– Ладно.

Крис указывает налево.

– Пойдем туда?

– Да. Как скажешь.

– Сейчас только захвачу футболку. Я догоню тебя. – Он отходит.

Я опускаю голову, делая вид, будто ищу камни, потому что иначе буду следить за ним. Я вижу в нем... Не знаю. Что-то. Не знаю точно, что именно, но хотелось бы надеть с утра что-нибудь получше затасканной толстовки. Хотя понятия не имею, что еще можно выудить из моего шкафа.

Я чувствую его рядом.

– Что ты тут делаешь так рано? – спрашивает он.

– Проблемы со сном. А ты?

– Кто ж захочет такое пропустить? – Он обводит рукой сияющее в лучах солнца озеро. – Очень впечатляюще.

Я бросаю взгляд в сторону. Он надел выцветшую черную футболку.

– Тебе не холодно?

– Мне нравится. Освежает. Пока ты не подошла, я подумывал раздеться и нырнуть.

– Ты бы этого не сделал. – Я поднимаю взгляд. Мой рост пять с половиной футов¹, и Крис возвышается надо мной.

– Еще как сделал бы, – он ухмыляется мне.

– Теперь ты рискуешь, что я сочту тебя за эксгибициониста.

Крис на мгновение приседает, поднимает камешек и кладет его в карман.

---

¹ Примерно 167 сантиметров.

– Чем плох небольшой риск время от времени, а? – Он обгоняет меня и идет впереди лицом ко мне. – Это позволяет чувствовать себя живым. Возвращает вкус к жизни. Держит в тонусе.

– Моя жизнь и без купания нагишом требует от меня слишком много внимания, благодарю.

– Технически я не был бы обнаженным, так как собирался что-нибудь на себе оставить. Перед глазами вспыхивает образ Криса в одних облегающих боксерах, и мне понадобилось время, чтобы прийти в себя. Я стараюсь изображать беззаботность, следуя за Крисом.

– Ты учишься? – спрашивает он.

Я киваю.

– Где?

– Выпускной курс в Мэттьюсе.

Он останавливается, и я чуть не врезаюсь в него.

– Я тоже. Почему я тебя не знаю?

Достаточно, что такой разговор уже был сегодня, но с Крисом обсуждать это казалось еще хуже.

– Я перевелся сюда в прошлом году, – продолжает он, – но, кажется, не встречал тебя. Ты что, на индивидуальном обучении и никогда не покидаешь своей комнаты в общежитии?

Я ничего не говорю.

– О боже, на самом деле ведь все не так? Прости. Ужасно получилось. Я просто хотел пошутить.

– Что? Нет! Разумеется, я хожу на обычные занятия. – Он отступает в сторону, а я прохожу мимо и продолжаю идти. Так неловко. Неужели я и правда такая неприметная, если только не пью пиво из воронки на вечеринках? Да, признаю, так и есть. Довольно легко стать невидимкой, если хочется.

Возможно, я больше не хочу.

Крис снова забегает вперед меня.

– Прости! Иногда я ношусь с бешеной скоростью и упускаю детали. Упускаю людей.

– Может быть, в траве найдутся хорошие камни. – Я поднимаюсь по небольшому склону. – Пойду, проверю.

– Ох. Ладно. – Я знаю, что он смотрит мне вслед. – А я посмотрю на мелководье.

Несколько минут мы молча собираем камешки, а я придумываю оправдания, чтобы уйти. Очевидно, я испортила весь разговор. Который мне не стоило начинать, учитывая, что у меня до идиотизма мало практики даже в банальном общении. Я пытаюсь подбодрить себя. Возможно, здесь сработает пресловутый закон езды на велосипеде? Если продолжить, то могу вспомнить, каково это – снова вести себя как обычный человек? Раньше у меня хорошо получалось.

– Эй, Блайт, – зовет Крис. – У меня тут целая кучка подходящих. Спускайся, поищем еще, и сможешь показать, на что ты способна. – Его голос глубокий и мужественный, но в каждом слове я слышу тепло и участие. Это успокаивает меня и переворачивает сознание больше, чем те события четыре года назад.

Четыре года. Господи, я была такой четыре гребаных года? Я начинаю задаваться вопросом, что же я упустила. Кого упустила. И мгновенно впадаю в ярость.

Но потом смотрю на воду, на Криса и его заразительную улыбку. Рядом с этим парнем невозможно злиться. Я искренне улыбаюсь в ответ.

– Да? Еще нашел? Ладно. – Я иду к нему, перешагивая через кусты, травы и камни.

– Снимай обувь! – командует он.

– Что?

– Снимай обувь и закатывай штаны! Мы собираемся привести тебя в гармонию с озером. Хорошие броски зависят не только от камней. Они зависят от воды и от тебя. Так что, кроссовки прочь!

– Холодно же! – возмущаюсь я.

– Трусишка, – дразнится он, начиная снимать свою обувь.

– Вовсе нет. Лишь проявляю толику здравомыслия. – Как иронично, что я заговорила о благоразумии.

– О здравомыслии ничего хорошего не скажешь. Это глупо. Почувствуй жизнь! Давай. Я стараюсь сдерживать улыбку, когда он игриво выгибает черную бровь.

– Хорошо, – сдаюсь я, сбрасываю кроссовки и закатываю джинсы. – Только чтобы доказать, что я не трусишка.

– Пойдем. – Крис заходит на несколько шагов в воду и поворачивается ко мне. – Тут не так уж и холодно. Даю слово. – Он протягивает руку. – Правда.

Я вхожу в холодную воду, и ступни утопают в крупном песке. Четыре года я намеренно отказывала себе в подобном удовольствии. Не раздумывая, я вкладываю руку в ладонь Криса. Мои глаза закрыты, и я чувствую, как он сжимает мои пальцы. Тьма перед глазами рассеивается, вновь наполняясь старыми, позабытыми воспоминаниями. Я ощущаю, как начинаю быстро и прерывисто дышать. «Хватит. Прекрати!» – велю я себе. Я сосредотачиваюсь на уверенной и крепкой руке. Распахиваю глаза, и образы рассеиваются. Начинаю тараторить в надежде побыстрее забыть о них.

– Ты прав. Вода не такая уж и плохая.

Крис склоняет голову набок.

– Ты в порядке? – Он сжимает мою ладонь.

Я киваю:

– Да. Да.

Он изучает меня с более серьезным видом.

– Мы знаем?... – Кажется, он не собирается заканчивать вопрос.

– Что?

Он качает головой.

– Нет, мы раньше не встречались. Просто... Нет, ничего. – Он вкладывает мне в ладонь гладкий камешек и зажимает на нем мои пальцы. – Покажи мне. – Крис отступает назад.

Вода ласково плещется у лодыжек, когда я выпрямляюсь.

– А теперь не смейся. Прошло много времени с тех пор, как я этим занималась.

– В бросании камней нет никакого юмора, – явно драматизируя, мрачно произносит он. – Это очень, очень серьезное занятие. Теперь вы можете начинать первую попытку.

Я стараюсь не улыбнуться на его насмешливую официальность и бросаю камень. Он отклоняется метров на пять вправо, а затем пулей пронзает поверхность воды.

– Что ж, – произносит Крис, – мастерства тебе не хватает, зато силы в избытке.

Я смеюсь.

– Все получилось не так, как хотелось, но ценю твой такт.

– Попробуй еще. Я лучше отойду, на случай, если снова не получится.

– Ха-ха. Очень смешно. Но идея неплохая... – Я чувствую его взгляд, пока делаю еще три попытки. Лишь один камень разок подпрыгивает. – Думаю, я безнадежна.

– Вовсе нет. Зачем ты кидаешь камень, словно маленький ребенок – фрисби²?

Я не могу сдерживать смех.

– Это так выглядит?

---

² Фрисби – игра, в которой ее участники метают друг другу круглый пластиковый диск.

– Ну, ты именно так размахиваешь рукой. – Он улыбается и резко замахивается. – Видишь? Так не надо.

– Аха. Я и не знала. – Задумываюсь на секунду. Он прав. Я пристально наблюдала за ним до этого и не замечала, чтобы он так бросал.

– Вот, попробуй по-другому. – Крис приближается и становится за мной. – Ты правша, поэтому нужно повернуться другим боком, чтобы бросающая рука была дальше от воды. – Он медленно разворачивает меня за плечи, становясь так близко, что наши тени сливаются в одну. Когда он отступает, его тень отделяется и четко вырисовывается на песке. Я снова сосредотачиваюсь и бросаю гладкий камешек.

– Кажется, так неудобно, – признаюсь я.

– Поначалу всегда так. Избавляемся от дурной привычки. Попробуй еще раз. И зайди поглубже. Звучит слащаво, но ты должна объединиться с водой.

Я вздыхаю, сомневаясь, что получится, но делаю пару шагов вперед, пока вода не достигает края джинсов. Я делаю еще одну попытку.

– Лучше! – восклицает Крис. – Целых два прыжка. Давай еще.

Я достаю камень из кармана и кидаю. На этот раз камень летит влево и совсем не скачет.

– М-да. Я сдаюсь.

– Нет. – Он снова стоит за мной, и я чувствую, как спиной касаюсь его груди. Крис кладет руки мне на плечи, как будто хочет прижать меня к земле, и я вздрагиваю. Не от холода и не совсем от желания. Во всяком случае, не только это вызывает дрожь.

– Смотри над водой. Сосредоточься на горизонте. Не думай о том, куда именно ты хочешь бросить камень.

Я чувствую, как он скользит ладонью по моей руке, а потом поднимает ее за запястье. Я делаю медленный вдох и выдох.

– А потом, – продолжает он, – отправь камешек туда, где вода встречается с небом. – Крис медленно сгибает мою руку передо мной, показывая, как нужно бросать. – Будь твердой и уверенной в себе. Помни, что ты ему не хозяйка. Вы с этим камешком партнеры.

– Мы партнеры. Ладно.

Крис стоит в сантиметрах от меня, и я следую его советам.

Три прыжка.

– Прекрасно, – шепчет он. – Давай еще раз. Слушай своего партнера.

Четыре прыжка.

Он приподнимает мою руку немного выше и приближает губы к моему уху.

– Сосредоточься.

Семь прыжков.

Обалдеть!

– Ты видел? – Я едва способна говорить. Это просто прыгающий камень, нет повода так удивляться тому, что у меня получилось.

– Это было прекрасно! Правда! – Крис сжимает мои плечи. – Просто потрясающе. Держу пари, если будешь продолжать в том же духе, то в мгновение ока сможешь запускать камни через все озеро. Очень круто, когда можешь так далеко кинуть, что сбиваешься со счета. То, как кольца на воде двигаются все дальше и дальше...

Крис продолжает говорить, но я едва слушаю его. Я просто смотрю туда, где камешек последний раз коснулся поверхности и упал на дно озера.

– Крис?

– ...однажды я попытался показать другому человеку, как правильно бросать, и он облажался. Ты намного лучше...

– Крис. – Я бездумно откидываю голову назад и облакачиваюсь ему на грудь. Он такой высокий и... почему-то знакомый. Я поворачиваю голову в сторону и наслаждаюсь солнечным

светом, теперь уже более сильным, который отражается от мелкой ряби на воде слепящими бликами. Мое зрение кажется зорче, мысли менее спутанными, чем еще час назад. Рядом с этим человеком необъяснимым образом я чувствую себя в большей безопасности, чем с кем-либо.

– Да?

По необъяснимой причине кажется невозможным не сказать ему:

– Мои родители умерли.

Он не отодвинулся. Даже не напрягся от моих слов.

Первый раз, когда я произношу это вслух за... за все время. Возможно ли, что я каким-то образом умудрилась столько молчать об этом? Да, признаюсь. Знакомым из дома мне нужды сообщать не было. Они все знали. Такие новости разлетаются быстро. А в колледже такое знать никому не нужно. Я снова повторяю:

– Мои родители умерли. Четыре года назад сгорели в пожаре. – Я отстраняюсь от него, внезапно поражаясь тому, как прямолинейно себя веду. – О господи. Прости. Не знаю, зачем все это тебе рассказываю. Мне жаль. Это не твои... мне не стоило...

Я жду, что он поведет себя так же, как все, после смерти моих родителей. Выдадут какие-нибудь банальные слова сочувствия, типа: мне жаль. Как ужасно. Бедняжка. Какая утрата...

...а затем сбегает. Люди всегда так поступают. Никто не знает, что говорить после слов утешения. Смерть и горе отпугивают окружающих, потому что никто не может их вынести.

Но Крис не сбегает. Вместо этого приобнимает меня за талию и крепко прижимает к своей груди.

– Все хорошо. Дыши.

– У меня есть брат. Джеймс. Он ненавидит меня за это. Я сама себя за это ненавижу. Я так устала. – Я закрываю глаза и прижимаюсь щекой к футболке Криса. Он скрещивает руки у меня на животе и мягко поддерживает, пока обрывки воспоминаний о той ночи проносятся передо мной. Обрывки – это все, что у меня осталось. Та ночь вспоминается частями, но я не могу собрать картинки воедино. Возможно потому, что не хочу все вспоминать. Я и частичные воспоминания едва могу вынести. Дни непосредственно до и сразу после этой ночи для меня тоже не существуют. Они совершенно стерты из моей памяти, и я предпочитаю так и оставить. Я дрожу в объятиях Криса. Мне хочется контролировать свое сознание, но не могу. Вспышки воспоминаний, мелькающие в мозгу, яркие и мощные. Еще никогда они не были настолько реальными.

Жар. Вода. Стекло. Грязь. Причал. Плыву к причалу. Цвета на лоскутном одеяле.

Я начинаю задыхаться. Что со мной происходит? Почему в первое более-менее терпимое утро меня снова преследует прошлое?

Крис крепче сжимает мои руки.

– Дыши, – повторяет он. Его голос и прикосновения помогают. – Не борись с этим. Я здесь.

Запах. Рисунки на одеяле. Красный. Красный. Красный. Деревья. Лестница, звук, герой. Герой. Мой герой.

Хватит. Я больше не выдержу.

«Думай о причале, – мысленно велю я, не открывая глаз, – думай о причале». Это всегда успокаивает. Не знаю почему, но образ причала всегда помогает избавиться от потока кошмаров. Я представляю, как плыву к нему, снова и снова. На причале я в безопасности и чувствую себя спокойно, хотя и понятия не имею почему.

Я открываю глаза, дыхание замедляется.

– Кажется, – протягиваю я, – у нас закончились камни.

– Всегда можно найти еще. Хочешь еще побросать?

– Да.

– Тогда давай.

Глава 4

Нарушение Правил

Мои очки едва приглушают насыщенный солнечный свет, поэтому я закрываю глаза. Часть меня боится это сделать, потому что я уверена, что Крис исчезнет, когда я их открою. Я проверяю свою теорию и бросаю быстрый взгляд в сторону. Крис все еще здесь, мы лежим спиной на песке и разговариваем, а точнее, он говорит. Раз у меня так мало опыта общения, я стараюсь больше слушать, чем открывать рот. Хорошо, что Сабин немного подготовил меня к этому с утра.

Мне понадобилась вся сила воли, чтобы отвести взгляд, но не хотелось попасться на разглядывании. Мне нравится его неидеальный нос, полные губы и то, как он часто проводит рукой по своим черным волосам, ероша легкие волны. Мышцы на его руке при этом напрягаются, и я обезоружена этим видом.

Но помимо неоспоримого физического влечения к Крису я чувствую что-то еще, что не могу объяснить. Это очень сбивает с толку. Я читала бесчисленное количество литературных произведений, в которых подробно описываются тоска и боль персонажей к любимому человеку, и со временем во мне развилось твердое убеждение, что это просто драматическая фигня, предназначенная для привлечения читателей. Сегодня, однако, я понимаю, что это не такая уж и фигня. Очень странно чувствовать трепет в груди и животе и то, каким притягательным кажется Крис. Но такое определенно прекрасное чувство также и ужасно, потому что я знаю, что это не взаимно. Не мог Крис чувствовать то же самое ко мне. Я отбрасываю эту мысль, потому что я не в том положении, чтобы ввязываться в серьезные романтические отношения, даже если Крис и заинтересовался мной. А это не так. Потому что он просто лежит рядом на песке и болтает. Поэтому я просто буду радоваться проведенному вместе времени. Часть прежней меня пробудилась к жизни, и я позволю себе насладиться этим днем.

Крис не расспрашивает о родителях или моем детстве, за что я благодарна ему. Я поступаю так же.

Крис уже рассказал, что жил в «слишком многих местах, чтобы все их запомнить», что он специализируется на экономике и изучает английскую литературу. Целых двадцать минут мы обсуждали любимый кофе, и этот разговор еще больше доказал, как Крис крут. У скольких студентов в комнатах есть френч-пресс и капучинатор? Ни у кого. Вот у скольких.

– Моя сестра уже не раз пыталась стащить пресс. Я ей тоже купил, но она заявила, что в моем получается вкуснее.

– У тебя есть сестра?

– Сестра и два брата.

– Сколько им? – спрашиваю я.

– Они все со мной в Мэттьюсе. Эстель и Эрик двойняшки, они на втором курсе, а Сабин на четвертом.

– погоди. Сабин? – В таком маленьком кампусе вряд ли будут два Сабина. – Высокий, темные волосы, немного... дикий?

Крис смеется.

– Вы знакомы?

– Только утром познакомились. Он стащил мой кофе. Очевидно, воровство кофе у вас семейное.

– С ним бывает трудно справиться. Но он лучший брат, о котором только можно мечтать. Ну и Эрик тоже.

– Довольно забавно, что вы все в одном колледже, – замечаю я. Воздух стал намного теплее, и я уже собираюсь снять толстовку, когда вспоминаю, что под ней на мне только футболка. И станет видно левую руку. Я довольствуюсь тем, что расстегиваю толстовку.

Крис пожимает плечами.

– Полагаю, мы очень близки. Нас удручала мысль, что мы будем разбросаны по стране, потому и поступили сюда.

– А почему именно Мэттьюс?

– Однажды увидел надпись на футболке. Показалось хорошей идеей.

Я импульсивно шлепаю его по руке, сознавая, как легко это делаю. Я удивлена, что не чувствую себя странно из-за своего поведения, как раньше. Похоже, Крис нормально относится к моим эксцентричным выходкам.

– Я серьезно!

Он поворачивает ко мне голову.

– Я тоже.

– Странный способ выбрать колледж.

Он ухмыляется.

– Мы странная компания.

– У твоих родителей, наверное, ужасный синдром опустевшего гнезда после того, как вы все разом уехали, да?

– Дома только отец. Мать умерла, когда мы все были совсем маленькими. Аневризма головного мозга. Совершенно неожиданно. Невозможно было предвидеть. – Крис садится, и его тень скользит по моему животу. – Поэтому у нас есть что-то общее.

– Остались без мамы.

– Да, – соглашается он. – Остались без мамы.

Значит, он понял, что со мной произошло, когда мы стояли в воде. Вот та связь, которую я почувствовала.

– Я рада, что нас не объединяет смерть обоих родителей, – говорю я. – У тебя хотя бы папа остался.

Он молчит. Я перекатываюсь на бок и сгибаю колени, Крис делает то же самое, так что мы оказываемся лицом друг к другу. Я, не стесняясь, изучаю его, путешествуя взглядом вдоль его тела. Я совершенно расслаблена. И уставшая. Я сонно спрашиваю его обо всем, что приходит в голову, потому что хочу, чтобы он продолжал говорить. Его голос мягкий и красивый, и, глядя на лицо Криса, я засыпаю.

Я сплю без сновидений, а когда просыпаюсь, Крис все еще рядом, любителю озером, облокотившись на локти. Я медленно сажусь, а он улыбается мне.

– Привет.

– Привет. – Пытаясь скрыть смущение, я отряхиваю с джинсов песок и поправляю пучок. Когда так отключаешься, потом трудно собраться. – Как долго я спала?

– Несколько часов.

– Несколько что?! О боже. Прости! Ты не должен был сидеть со мной, пока я спала. У тебя наверняка есть дела.

Крис качает головой.

– Зачем мне уходить? Прекрасный день, счастливо посапывающая девушка. Хорошо поспала?

– Да. – Это очень редкое явление, и я уверена, что спала так спокойно только благодаря Крису. Наверное, неразумно просить его сидеть со мной каждую ночь, чтобы я могла спать без кошмаров...

– Знаешь что?

– Что?

Крис вскакивает и нависает надо мной.

– Я умираю, на хрен, с голоду.

– Ох. Ладно. – Я искоса смотрю на него. Он тоже любит ругаться. – Мне тоже, наверно, нужно идти.

Он протягивает мне руку.

– Пойдем перекусим. Я знаю замечательное место. На самом деле это неправда. Никакое оно не замечательное, но интересное. – Он поднимает мой рюкзак, хватая меня за руку и помогает встать. – Ты тоже должна быть голодной. Уже время обеда, а я уверен, что ты не завтракала.

Крис прав, я умираю с голоду, но не решаюсь продолжить этот день. Безопасность, которую я чувствую рядом с Крисом возле озера, вероятно, исчезнет, если мы уйдем.

– Я не знаю. Мне нужно заниматься и...

– Чушь. Пойдем. – Он тянет меня вперед, а затем отпускает мою руку и снова идет спиной вперед, ко мне лицом.

Мы молчим по дороге к кампусу, но неловкости не чувствуется. Редко, когда в компании другого человека не кажется обязательным заполнять каждую секунду разговором. Крис засовывает руки в карманы и подставляет лицо под лучи солнца. Наконец, в поле зрения появляются местные заведения, и он указывает на развевающийся на легком ветру голубой флаг.

– Ты когда-нибудь здесь ела? Конечно, должна была. Все сюда ходят.

Я поднимаю взгляд. «Артеми Пиккола». Я качаю головой.

– Странное название для ресторана. Нет. Я здесь не была.

По правде говоря, я редко покидаю кампус. Мой путь обычно неизменен, за исключением вечеров, когда я напиваюсь достаточно, чтобы захотеть пойти на вечеринку, где можно раздобыть еще больше выпивки. От общежития до аудитории, оттуда в кафетерий, обратно в общежитие, быстрый поход в библиотеку, когда это жизненно необходимо, остановка в столовой ради кофе. Задержать меня где-то может только бочонок пива. Ну, до сегодняшнего дня. Сегодня я нарушаю все правила.

– Что? Ты никогда здесь не была? – У Кристофера чуть не отваливается челюсть. – Господи боже, девочка, нужно немедленно исправляться. Это практически обряд посвящения. Ты определенно не сможешь закончить колледж, пока не поешь здесь. Давай. Я угощаю тебя обедом. – Он распахивает дверь и жестом приглашает меня войти.

Схватив меню со стойки у стены, Крис ведет меня сквозь лабиринт из столиков. Он движется практически бесшумно, и вскоре мы уже сидим за столиком в глубине ресторана. Все помещение из дерева и кирпича, окон нет, и внутри невероятно темно, несмотря на прекрасную погоду снаружи. С моей жесткой скамейки хорошо видно пространство, но так как у меня за спиной стена, то Кристоферу остается смотреть только на меня. Целую минуту я мечтаю поменяться с ним местами.

Он кладет меню себе на колени и игриво улыбается.

– Итак, мисс Блайт, какую часть света вы желаете сегодня посетить?

– Эм... Что? – О чем он спрашивает? Полагаю, я упустила общеизвестную шутку. – Я не... Я не понимаю, о чем ты. – Я чувствую себя совершенно не в своей тарелке.

– Выбери страну. Куда бы ты хотела поехать?

Господи, я едва ли из своей комнаты выхожу, так что мечты о путешествиях в другие страны меня не посещают.

– Греция?

– Как-то неуверенно прозвучало.

Я тереблю молнию на своей толстовке.

– Греция, – повторяю я убедительнее. – Санторини.

– Выбери еще одну.

Молния впивается в руку, когда я тяну ее вверх и вниз.

– Бразилия.

– Ах. Карнавал.

– Да. Карнавал.

Он распахивает меню.

– Не уверен, что сможем указать конкретно Санторини, но в таком сумасшедшем заведении никогда нельзя знать наверняка. – Он изучает страничку. – Ага. Судя по твоему выбору места, тебе полагается гирос и фейжоада.

Я тянусь через стол и забираю у него меню. Что это за место? Меню представляет собой причудливую коллекцию блюд, которые не имеют ничего общего друг с другом. За пряным маки тунцом следовала вегетарианская лазанья, а дальше фирменные африканское карри (мясо на выбор!) и бургер с беконом и грибами. Я прокашливаюсь.

– А куда ты сегодня отправишься?

– Никуда.

Я поднимаю взгляд и хмурюсь.

– Почему нет? Здесь отвратительная еда?

Кристофер откидывается на стуле.

– Нет. Я лучше останусь здесь, рядом с тобой.

– Ох. – Жар приливает к щекам, но не могу охарактеризовать то, что чувствую.

Волнение? Смущение? Что бы это ни было, я очень давно подобного не ощущала. Такие сильные эмоции, бесспорно, заставляют меня нервничать. Интересно, каков шанс, что здесь подают спиртное? Шот или пять греческой водки под гирос не помешали бы. Я опускаю взгляд.

– Значит, что-нибудь местное. Омлет с сыром чеддер и... Что еще? Целая корова? Как, достаточно для Висконсина?

– Прекрасно! – Он выхватывает меню и довольно громко щелкает пальцами, выкрикивая:

– Официант! Официант! – Крис заговорщически наклоняется ко мне. – Сервис здесь ужасный.

Я съеживаюсь, когда он начинает стучать вилок по стакану. А я только начала думать, что он идеальный.

– Тебе обязательно так делать каждый чертов раз, когда приходишь сюда? – К нашему столику подходит худенькая молодая девушка с коротко стриженными черными волосами. Ее голос спокойный, но ругательство выдает раздражение.

– Да, обязательно. Иначе ты меня проигнорируешь, и я упаду в голодный обморок прямо за столом.

Она усмехается.

– Если бы ты не поднимал такой шум, я была бы более чем счастлива позволить тебе упасть в обморок. Чего ты хочешь?

– Хочу, чтобы моя младшая сестра не поминала черта, а еще хочу кое с кем тебя познакомиться. Эстель, это Блайт Макгвайр. Блайт, это Эстель. Моя вечно ругающаяся сестра.

Эстель перекладывает ручку и блокнот в одну руку и протягивает вторую.

– Рада познакомиться. У тебя должно быть невероятное терпение, чтобы выдержать обед с Кристофером.

– Очень приятно, – говорю я, остро ощущая свои растрепанные волосы и мешковатую толстовку. Особенно рядом с Эстель, которая просто потрясающая. Какой и должна быть любая девушка, чтобы носить такую короткую стрижку. Высокие скулы и выразительные глаза придавали образу особую очаровательность. Даже без макияжа она идеальна. Стройная, наверное, даже слишком, с мальчишеской фигурой, что делает ее похожей на модель. Я замечаю крупный крест на шее, но больше никаких украшений на ней нет. Ее образ простой и красивый, я никогда не смогу так выглядеть.

– Вы двое голодны?

Крис начинает заказывать, но его прерывает громкий голос со стороны входа.

– Кристофер Шепард! Ты уже украл мою девушку?

Крис зажмуривается и смеется.

– Убирайся! Убирайся!

Сабин подлетает к нашему столику с выражением дичайшего гнева на лице.

– Поверить не могу, что ты так предал меня, брат мой! Мы сразимся на дуэли из-за этой принцессы, и я одержу победу.

Крис закатывает глаза.

– Привет, Сабин. Как дела?

– Как дела?! А ты как считаешь? Я потрясен! – Он похлопывает Эстель по руке, прежде чем проскользнуть ко мне и положить ладонь мне на плечо, свирепо глядя на брата. Сабин утыкается носом мне в шею, испуская фальшивый всхлип. – Когда ты успел вцепиться своими мерзкими когтями в мою милую девочку? Не ожидал, что мой брат и возлюбленная одновременно предадут меня. Я должен попытаться – нет, я верну ее себе, негодяй!

Я закусываю губу, чтобы не расхохотаться.

– Сабин? Разве еще утром ты не был влюблен в другую?

Он отстраняется.

– Был ли я?

– Да. Кристал, верно?

Он хлопает ладонью по лбу.

– Как быстро забываешь обо всем, когда попадаешь в сети красавицы Блайт. Да! Прекрасная Кристал. Я должен вернуться к ней и оставить тебя в лапах этого трусливого рыцаря.

Крис складывает руки на груди.

– Чувак, возьми себя в руки. И не встречайся ни с кем, чье имя похоже на мое. Это ужасно.

– Черт, дерьмо, я об этом не подумал. Крис, Кристал... – Сабин делает паузу и хмурится, а потом вновь возвращает себе театральный вид. – Ох, какая трагедия! Теперь я никогда не смогу заниматься любовью с этой девушкой, не вспомнив о тебе, дорогой брат. А это омерзительный грех.

Эстель легонько толкает Сабина ногой.

– Достаточно. Отстань от Криса. Ты портишь ему свидание с очень терпеливой девушкой.

Сабин снова поворачивает голову в мою сторону.

– Мои извинения. Но я должен предостеречь. Хотя у сэра Кристофера обаяния не занимать, он наверняка разобьет вам сердце. – Сабин смотрит на брата, становясь на мгновение серьезным. – Гарантирую.

Крис отвечает предупреждающим взглядом, но потом смягчается.

– Прекращай. У нас с Блайт дружеский обед. Хватит истерить.

Я тянусь к стакану с водой.

– Мы только утром познакомились на озере. А потом пришли сюда.

– Как скажешь. Значит, Блайт – снова цель для честного завоевания, – дразнится Сабин. – Ладно, детки. Я собираюсь разорить это международное заведение и в одно лицо съесть гигантскую пиццу от Джанни. Нужно восстановить силы перед вечерними мероприятиями, которые, уверен, будут весьма заманчивыми. – Он встает. – Рад был снова тебя увидеть, Блайт. Не забудь о спектакле.

– Не забуду. Обещаю.

Сабин дает Крису пять, целует Эстель в щеку и уносится за дверь.

– Я бы извинился за него, но он безнадежен, – говорит мне Крис, протягивая меню обратно Эстель. – Итак, думаю, Блайт будет гиром...

– Не-а, прости. Ты не видел надпись? Сегодня только ирландская кухня.

– Опять? – стонет Крис.

– Аня, хозяйка, любительница тематики, – объясняет мне Эстель.

Словно по сигналу, свет тускнеет, и в динамиках звучит торжественная музыка. Вспышка света заставляет меня зажмуриться, а когда снова открываю глаза, то обнаруживаю, что сижу с краю изображения от старого пленочного проектора. Я бросаю взгляд влево и вижу на стене покрытые травой холмы и типичный ирландский пейзаж. А еще собственную тень.

– Гребаный ад, – бурчит Эстель. – Аня! – кричит она пожилой женщине за проектором. – Это обязательно? Уже пятый раз за месяц. И если мне еще раз придется слушать «Будь моим светом», я просто развернусь и уйду!

– Атмосфера, моя дорогая. Аутентичность! – кричит в ответ Аня, поправляя пучок на затылке.

– Ох, ради бога, все это чушь собачья! – возмущается Эстель. – Я ничего толком не вижу.

– Я вижу-у, – говорит Крис так, чтобы я услышала. Он смотрит на меня.

Яркий свет проектора практически ослепил меня, но я знаю, что на моем лице и теле танцуют цветные пятна. Щурясь, я встречаю взгляд Кристофера. Хотелось бы, чтобы он не смотрел на меня, но одновременно желала, чтобы он не отворачивался. Я двигаюсь на скамейке, чтобы изображение больше не касалось меня.

Эстель повышает голос:

– Твою ж мать! Короче, для вас есть крем-суп из репы, капуста и содовый хлеб.

– Серьезно, Эстель, хватит ругаться. Я могу материться на чем свет стоит, но ты моя младшая сестра, и я этого не выношу. – Крис дергает подбородком в сторону креста на ее шее. – И, полагаю, Господь не одобряет ругательства. Особенно когда играет гимн.

– Можно подумать, тебе есть дело до того, что думает Бог.

– Можно подумать, он есть, – бросает он в ответ.

Эстель замирает, сжимая блокнот для заказов.

– Стель, ну правда. Как ты можешь хоть на одну гребаную минуту поверить, что... – Он замолкает и вздыхает.

Ее голос теперь еле слышен:

– Крис.

– Прости. – Он касается ее руки. Несмотря на музыку, приходит мысль об оглушительной тишине. – Эстель, правда, я прошу прощения.

Она кивает.

– Я принесу еду. И два Killian's. Пиво не помешает, чтобы запить атмосферу.

Крис смотрит на столешницу, а я наблюдаю, как он несколько раз проводит ладонью по волосам. Музыка не прекращается, а стена рядом со мной покрывается изображением черного ирландского неба.

Я жду. Наконец он поднимает голову.

– Мне стыдно. Я не должен был так говорить. Особенно при тебе. – Несколько минут он возится со своей салфеткой, а потом тихо смеется.

– Что это?

Он кивает на динамик у нас над головами. «Amazing Grace»³. Я не заметила, как помелькала мелодия.

Крис комкает салфетку в кулаке и прикусывает губу.

– Чертовы волынки.

– Чертовы волынки, – соглашаюсь я.

– Мне правда не стоило. Нужно быть более терпимым. Мне жаль, если ты веришь...

---

³ Речь идет о песне Вилли Нельсона из альбома «The Sound in Your Mind» (1976 г.).

– Не надо, – быстро прерываю я. – Не извиняйся. Я неверующая. – стакан с водой не дрожит в моей руке, когда я отпиваю глоток и снова ставлю его на стол. Я перекладываю столовые приборы, провожу пальцем по краю тарелки и выпрямляю спину. Я жду, пока он не встретит мой взгляд. – Мы оба знаем, что Бога не существует.

– Да, – соглашается он. – Бога нет. Не для нас.

Глава 5

Боец

Еще даже не десять вечера, когда я раздеваюсь и достаю футболку из комода. Этот день меня утомил. Перед тем как натянуть футболку, я останавливаюсь перед зеркалом в полный рост. Я уже давно этого не делала, но сейчас желание посмотреть на себя особенно сильное. Не знаю почему. Немногие знакомые мне девушки, и я в том числе, находят крайне возбуждающим смотреть на себя только в нижнем белье. Но сейчас я смотрю на свои икры, бедра, живот. Слегка повернувшись на цыпочках, осматриваю вид сзади.

Ха. Возможно, дело в удачном приглушенном свете лампы у кровати, но я определенно выгляжу не так уж плохо. Удивительно, я думала, что разрыдаюсь, когда увижу, как все ужасно. Но и идеальной фигуру тоже не назвать. Я сажусь на пол и скрещиваю ноги по-турецки. Изучаю лицо и волосы, как если бы впервые знакомилась с собой. Снимаю резинку и распускаю шевелюру. Непослушные кудри рассыпаются по плечам; я не блондинка и не брюнетка, нечто среднее. Но зато даже я признаю, что мои голубые глаза достойны внимания. Симпатичные. Круглые щеки слегка порозовели после прогулки на солнце. Да, не так все ужасно. На грани, возможно, но ничего такого, чего нельзя было бы исправить.

Правда, остается еще рука. Я вытягиваю руку и вглядываюсь в ее отражение. Рваный четырехдюймовый шрам все еще там, несмотря на аккуратный шов хирурга. Возможно, в более крупной больнице нашелся бы хирург получше, но я не против. Я заслуживаю гораздо худший шрам, чем этот, учитывая все обстоятельства. Я выпрямляю ноги и ставлю ступни на пол. Медленно поднимаюсь и оглаживаю изгибы тела. Я чувствую напряжение и дрожь, не привыкшая к прикосновениям. Даже собственным. Скольжу по икрам, задней части бедер. Мои ноги немного полноваты. Я должна чувствовать упругость мышц под пальцами, но этого нет. Пробегаю по талии. Кажется, это единственная часть тела, которой не коснулся жирок. Все выпитое и съеденное откладывалось в попе и ногах, но живот каким-то образом оставался относительно плоским. Ну, хоть что-то. Я кружу ладонями по животу, закрываю глаза и двигаюсь к груди. На мгновение замираю, неожиданно осознавая, насколько это приятно. Одна рука скользит ниже, снова по животу и дальше, под полоску трусиков.

Ладно. Видимо, у меня еще осталось какое-то сексуальное влечение.

Я ковляю до постели, опьяненная эмоциями. Падаю на смятые простыни, свободную руку запускаю в волосы, а другой продолжаю скользить дальше между ног. Желание и потребность в ласке все сильнее, как давно я этого не чувствовала. Медленно трогаю себя, пока мысли возвращаются к Крису, к моменту, когда я впервые увидела его подтянутое тело на фоне утреннего света.

«Чем плох небольшой риск время от времени, а?»

Я поворачиваю голову в сторону, мои глаза закрыты, а бедра подаются вперед. Я не тороплюсь, позволяя телу самому подсказывать пальцам, где приятнее всего. Даже вспомнить не могу, когда последний раз ласкала себя. Мои мысли затуманенные и прекрасные, а обычные для меня стресс и депрессия на время исчезли. Меня переполняет единственное желание, и я легко поддаюсь ему, потому что на этот раз, единственный раз, я нахожу в себе не ненависть или боль. Мои движения поначалу медленные, я изучаю свои ощущения, но скоро как будто оказываюсь во власти собственного демона, слишком долго находившегося в заточении. Он требователен, тело и бесконтрольные мысли одерживают верх. *Почувствуй жизнь!*

Руки движутся настойчивее, быстрее, накал нарастает.

Покажи мне.

Становится жарко, я отбрасываю простыни.

Я лучше останусь здесь, рядом с тобой.

Дыхание учащается.

Бога нет. Не для нас.

Я запутываю пальцы в волосах, едва не царапая кожу головы, упираюсь пятками в матрас, все тело напрягается. Я начинаю дрожать. Звук, срывающийся с моих губ, удивляет меня, но мощь оргазма не позволяет быть тихой.

Я улыбаюсь, переворачиваюсь на бок и тяжело сглатываю, пытаюсь восстановить дыхание. Черт возьми, как же мне это было необходимо. Так, так сильно. Приходит мысль, что ощущения оказались настолько прекрасными, что я могу и вовсе больше не вылезти из постели. Наплевать на учебу и мастурбировать дни напролет. А потом я легкомысленно смеюсь, убежденная, что мое тело вновь принадлежит мне, по крайней мере, в какой-то степени. Может, разум тоже последует его примеру?

Я чувствую себя лучше, чем за все последние месяцы. Годы, если быть точнее. Я думаю о Сабине, с его буйностью и обаянием, о завидной физической красоте и самоуверенности Эстель. И о Крисе. Крисе с его... притягательностью. Его стойкостью.

Я пытаюсь отвлечься от мыслей о Крисе. Конечно, он остался со мной на озере, пригласил на обед и проводил до моего общежития – нашего, как оказалось, прежде чем отправиться к себе. И что? Я громко смеюсь горькой правде: он явно сейчас не лежит в постели, проигрывая события нашего дня. Ну, или удовлетворяя себя до безумия. Скорее всего, сегодняшний день для него самый обычный. Даже если мы больше не будем общаться, я останусь благодарной за этот день, единственный день, когда моя печаль рассеялась, пусть даже ненадолго.

А позже я вижу сон. Новый, незнакомый для меня сон.

Я где-то на побережье. Длинная полоса крупного песка. Я вжимаю пальцы ног в мелкие камешки, пока не становится больно. Пока не режусь до крови. Я опускаю взгляд и гадаю, зачем это делаю. Вдруг решаю оглянуться в поисках помощи, но пляж пустынный. Все тихо на мили вокруг. Спокойно.

А потом я смотрю вперед. На выбеленном солнцем причале стоит мальчик. Полагаю, ему около... Не знаю. Двенадцати? Не могу сказать наверняка. На нем плавки и рубашка без рукавов. Ветер играет в волосах. Темный загар. Красивый ребенок. А потом я вижу, как он бросает камешки. Вода здесь беспокойная, а потому я не вижу, подпрыгивают ли они. Когда пытаюсь позвать его на помощь, то не могу издать ни звука. Тем не менее, он поворачивается ко мне. Словно услышал мое желание. Умиротворенное и довольное выражение его лица успокаивает меня, и я могу сделать несколько шагов, чтобы облегчить боль.

Без предупреждения, вокруг него вспыхивает пламя, и мальчик охвачен взметнувшимся огнем. Я начинаю задыхаться. Снова не могу двигаться, только наблюдаю и кричу. Я растеряна, потому что он не сопротивляется, не прыгает в воду, не делает ничего. Я наблюдаю, как исчезает его силуэт и огонь утихает. Причал снова пустой, словно мальчика никогда и не было. Словно этого никогда не происходило.

Но вскоре я опять улыбаюсь, а потом запрокидываю голову и смеюсь. Мальчик выходит из воды, целый и невредимый, и снова поднимается на причал. Он упирает руки в бока и смотрит на меня с решительным выражением лица.

Этот мальчик – боец.

Он кивает, и я понимающе киваю ему в ответ. Мне до конца непонятно это понимание. Я не могу внятно объяснить нашу связь, ведь мы совершенно разные.

Он боец. А я нет.

И все же мы, несомненно, связаны.

Глава 6

Длинная пробежка

Плей-листы для тренировок других людей не сильно привлекают меня, но я продолжаю копаться в музыкальном приложении. Похоже, что для многих восьмидесятые годы отличный источник адреналина, но, увы, музыка эпохи кислотного цвета гетр и эластичных махровых повязок мне совершенно не нравится.

Наконец останавливаюсь на более-менее сносном сборнике «Топ-40» ремиксов, я начинаю разминку. Шея хрустит, когда я склоняюсь над вытянутой ногой. По всей видимости, это очень глупая идея, если тело уже издает странные звуки, а я еще ничего толком не делаю. Я, наверное, упаду в обморок метрах в пяти отсюда. Но продолжаю уговаривать тело пережить несколько упражнений на растяжку. Однако, после нескольких подъемов на пальцах ног, у меня уже болят икры, и я не чувствую уверенности в своих силах.

Моя цель на сегодня – сорок пять минут тренировки. Разве это так уж трудно? Люди постоянно занимаются. Солнце взошло, воздух прохладный и свежий, идеальная погода для бега. Прочно закрепив наушники, смотрю на время. 8.17 утра. В две минуты десятого все будет кончено, и я кое-чего добыюсь.

Всего через шесть минут бега я чувствую себя жалкой. Попытка подстроиться под ритм музыки привела лишь к тому, что у меня огнем обожгло легкие. Абсолютно все мне кажется неудобным. Мешковатые спортивные штаны раздражают бедра, а грудь неприятно трясется, потому что я не подумала сменить нижнее белье.

Определенно стоит заказать спортивный лифчик, если я планирую заниматься.

Я замедляюсь. В музыку теперь не попадаю, зато движения кажутся более естественными. Обещание заниматься сорок пять минут дано, и я собираюсь его выполнить, черт подери. Даже если мой наряд отстой, а музыка не подходит.

На восемнадцатой минуте мне нехорошо. Я дышу с большим трудом.

На девятнадцатой хочется лечь и умереть. В правом боку постоянно колет.

Двадцать минут. Я останавливаюсь и наклоняюсь, уперев ладони в колени. Дыхание довольно быстро выравнивается, и боль исчезает. Выпрямляюсь, кладу руки на пояс и оцениваю маршрут пробежки. Поросшая травой тропинка приведет меня к озеру. Хорошее место назначения? Возможно. Но я чувствую себя очень неуверенно. И тогда понимаю, что останавливает меня не отсутствие уверенности. Все дело в душевной тоске. Гребаная душевная тоска. Нелепая, но отчетливая. Сегодня, без Криса, будет очень одиноко на том каменистом побережье.

Двадцать первая минута. Решаю изменить маршрут. Если я не собираюсь бегать, так хоть прогуляюсь.

Поэтому следующие восемь минут я твердо шагаю, мысленно прокладывая круговой маршрут обратно в общежитие. Дышать тяжело, хочется отвлечься, и я вспоминаю о советах уйти в себя, поразмышлять. Я пытаюсь расслабиться и посмотреть, что получится.

Пока сердце колотится, а ноги подкашиваются, я мысленно пролистываю историю своей жизни. Образы быстро проносятся перед глазами. Я сажусь в школьный автобус, а мама бежит, смеясь и отчаянно размахивая коробкой с моим обедом. Отец готовит меня к вступительным экзаменам, показывая за завтраком карточки с заданиями. Боже, все воспоминания связаны с родителями, а потому каждое сопровождается горем.

Мысли переносятся к Энни, маминой лучшей подруге, которая боролась со страховой компанией, пытавшейся откупиться от меня и Джеймса ничтожной суммой. Я понятия не имею, стал бы даже адвокат так скандалить, как это делала Энни. Она позаботилась о высшем

образовании для моего брата, и чтобы все расходы были оплачены. Тогда я сказала ей, что мне плевать на мои деньги. Но Энни считала, что мы оба пережили более чем достаточно.

Энни. Мысли о ней причиняют боль, потому что эти отношения я тоже испортила. Она единственная, кто не отвернулся от нас с Джеймсом, когда умерли родители. Именно Энни отправилась в аэропорт О'Хара в ночной рубашке, прилетела из Чикаго в Бостон, а затем проехала более трех часов, чтобы найти нас в больнице в штате Мэн. Именно Энни отвезла нас с Джеймсом обратно в родной дом в Массачусетсе. Хотя после смерти родителей он больше не казался мне родным. Она организовала похороны и, вероятно, была в курсе более ужасных подробностей, чем мы. Она одевала меня в день похорон, заставляла есть и даже ходить в душ, когда я не могла справиться с банальными ежедневными потребностями. Три недели она поддерживала нас с Джеймсом так, как никто другой. Потом мы переехали к Лизе, сестре моей матери, а Энни вернулась в Чикаго. После этого я уже не могла спокойно слушать ее голос по телефону.

Он разрывал мне сердце. Энни так сильно напоминала мне о смерти матери, что я не могла этого вынести. Поэтому я оттолкнула ее. Но Энни не сдавалась, она выдержала множество неотвеченных звонков и писем. Даже когда я вычеркивала ее из жизни, она продолжала бороться изо всех сил за наше финансовое благополучие. В конце концов, Лиза наняла нам семейного адвоката, окончательно разрывая связь. Наш новый адвокат замечательный, но он не Энни.

Покачивая головой, я снова начинаю бежать, но, как только замечаю общежитие, перехожу на шаг. Я засовываю телефон за пояс спортивных штанов и завязываю конский хвост. Теперь, когда ужасная пробежка закончилась, я признаю, что действительно чувствую себя хорошо. Хотя мышцы болят и я совершенно выдохлась, но чувствую необычный прилив бодрости. Мне нравится. На самом деле, дойдя до ступенек Ребер-Холла, я жалею, что не пересилила себя и не выдержала все сорок пять минут.

На входе едва не сталкиваюсь с коренастым блондином в шортах и облегающей футболке. Он пропускает меня и придерживает дверь.

– Прекрасный день для пробежки.

– Что?

– Лучшей погоды и желать нечего. – Он поправляет на руке держатель для плеера и улыбается. – Свежо, но не холодно. Терпеть не могу, когда холод сковывает мышцы во время бега.

Он думает, что я тоже спортсменка, и чувствую себя обманщицей, когда отвечаю:

– Ох. Да, мне тоже не нравится. На улице и правда замечательно. – Я переступаю порог. – Хорошей пробежки.

– Спасибо. Увидимся.

Парень с плеером на руке спускается по ступенькам, вращая плечами по кругу.

Я тоже разминаю плечи, поднимаясь по широкой лестнице на свой этаж.

Вращение плеч. Стоило раньше о них вспомнить, но лучше поздно, чем никогда.

А вообще, я собираюсь сделать даже больше. Захожу в свою комнату, хватаю с верхней полки шкафа полотенце, складываю его пополам и стелю на жесткий пол. Встаю на четвереньки и начинаю опускаться на руках. Двадцать отжиманий не должны оказаться такими уж трудными. Но даже облегченные отжимания (я отказываюсь называть их «девчачьими») уже на седьмом подходе заставляют трястись руки. На сегодня хватит и десяти. Теперь качаем пресс. Двадцать скручиваний прямо и по десять на каждый бок. Меня сейчас стошнит. Встаю делать выпады – пятнадцать вперед, пятнадцать назад. Неуклюже и шатко, но я их сделала.

Это начало. И так больше физической активности, чем за все последнее время. Меня и раньше трудно было назвать спортсменкой, но дома я иногда ходила с друзьями в тренажерный зал. Когда-то. В нашей семье настоящий спортсмен Джеймс. Или должен им быть. Наверное,

он никогда не простит меня за то, что я все испортила. И я не могу винить его за это. Его ненависть заслуженная.

«Стоп, стоп, стоп», – приказываю я себе.

Раздается сигнал электронной почты, и я со стоном поворачиваюсь, чтобы прочитать письмо. Наверняка меня предупреждают о надвигающейся опасности, и требуется срочно перевести деньги какому-нибудь принцу с экзотическим именем. Но написала тетя Лиза, с которой мы с Джеймсом прожили последние четыре года. После смерти родителей стало невыносимо оставаться в своем доме. Теперь с ним связано слишком много болезненных воспоминаний. Мы не захотели его продать, и Лиза сдала его незнакомым людям.

Не веря своим глазам, я просматриваю письмо. Оно пестрит фальшиво веселыми восклицательными знаками. Я игнорирую фразы идиотских любезностей. Письмо гласило: раз мы с Джеймсом теперь учимся в колледже, то технически уже взрослые, поэтому «можем вернуться» в родительский дом. Судя по всему, арендаторы съехали, и Лиза увидела возможность от нас избавиться.

Так и есть, потому что дальше в письме говорится, что она отправила все наши вещи на старый адрес. И вишенка на торте – на День благодарения она едет с друзьями в Новый Орлеан, без нас. Как-то так.

Мне нужна мама. Я так отчаянно жажду ее объятий, что становится физически больно. Как же отвратительно, когда у тебя никого нет. Раньше я обманывала себя, считая, что смогу сблизиться с Лизой и она сможет частично заменить мне мать. Но Лиза никогда даже не пыталась скрыть, что равнодушна к племяннице и племяннику. Возможно, мы с Джеймсом слишком напоминали ей сестру, а может быть, дело в том, что Лизе чуть за тридцать, она одинока и предпочитает свою независимость семейной жизни.

И все же ее дом и наш тоже. Точнее, был. Там наши с Джеймсом комнаты.

Гостевые комнаты. Ни в коем случае не любимое семейное гнездышко, но, по крайней мере, они были нашими.

Ноги горят, когда я выхожу из комнаты. Моя тетя та еще сучка. Столько раз я оправдывала ее равнодушие к нам, но теперь отказываюсь продолжать. Ее горе и утрата в такой же мере и наши с Джеймсом.

Я громко топаю вниз по лестнице общежития, продолжая мысленную тираду. Как же я устала от Лизы и ее дерьмового отношения. Я не из тех, кто жалуется на чье-то отношение, но если бы у меня умерла сестра, я была бы намного добрее к ее детям. Окутывала бы их безмерной любовью. Вместо этого Лиза делала лишь самый минимум. Я достигаю лестничной площадки и продолжаю спускаться на цокольный этаж, кипя от гнева. Мы даже не были обузой ее кошельку.

Я вхожу на самый нижний этаж общежития и поворачиваю налево. Если расположение комнат совпадает, тогда он живет прямо подо мной, только через несколько этажей.

Эгоистка. Она полнейшая эгоистка. К черту. К черту ее.

Не раздумывая, я стучу в дверь. Мне нужна помощь.

Глава 7

Это просто боль

– Привет, соседка, – Крис улыбается мне. Он сидит за столом с книгой в одной руке и карандашом в другой.

– Привет. – Конечно же, теперь до меня доходит, как глупо было заявиться сюда в таком измученном состоянии. Но я не сбегаю. На секунду отвлекаюсь, находя крайне милым то, что в век технологий Крис все еще использует карандаш. – Прости, похоже, ты занимаешься. Не хотела тебе мешать. Просто... – Я изо всех сил пытаюсь отдышаться, отчасти из-за того, что быстро бежала по лестнице, отчасти от волнения. Я упираю руки в бока и смотрю вниз.

– В чем дело? – тихо спрашивает он. Его голос спокойный и терпеливый.

– Я пыталась бегать, но у меня музыка отстой, и ничего толком не вышло. Каждая песня казалась глупой и неправильной. Я чувствовала себя глупо и неправильно. А моя тетя просто ужасна. И... – Я смотрю прямо в эти пьянящие зеленые глаза. – Почему я не могу забыть прошлое? Родители погибли четыре года назад, не месяц, но это до сих пор преследует меня. Я не могу это прекратить. Не могу быть счастлива. Обычно я не такая. Раньше я была жизнерадостной и веселой. Была собой. У тебя умерла мама, ты знаешь, каково это, но продолжаешь жить. Я тоже хочу жить. Как ты это делаешь? И... и... и мой плей-лист отстой.

Он жестом приглашает меня в комнату.

– Сядь. – Крис указывает на кровать, и я сажусь. Несмотря на тесноту его комнаты, он грациозно поднимается из-за стола и поворачивает стул так, чтобы сесть ко мне лицом. – Дай свой телефон.

– Что?

– Дай мне свой телефон. Посмотрим на твой плохой плей-лист.

– Ох. Ладно. – Я выполняю его просьбу. Наши руки соприкасаются. Некоторые люди описывают подобное как разряд электричества. Искры. Но прикосновения с Крисом другие. Думаю, это больше похоже на воду. Когда вы входите в океан и вас накрывает небольшая волна, взметая песок вокруг тела и пробуждая к жизни каждую клеточку.

«Как в замедленной съемке, – возникает внезапная мысль, – он может замедлять время». Я так сосредоточена на Крисе, который копается в телефоне, что остальная часть комнаты словно обволакивается дымкой. У него красивые руки. Сильные, ловкие, требовательные.

Внезапно я замечаю, что он, оказывается, разговаривает:

– ...невозможно бегать под такое дерьмо. Нужен совершенно другой ритм.

– Тяжелый металл? Ретро? Инструментальная? – с улыбкой предполагаю я.

– Очень смешно. Уверен, ты пытаешься бежать под ритм песен.

– Ну да.

– Ты соревнуешься с музыкой. Не нужно. У музыки своя скорость, а ты держи свою. Будь главной. Найди в ней поддержку.

– Поддержку?

– Дай мне пару минут. Я покажу. – Крис копается в бумагах на столе, находит наконец наушники и надевает их. Он внимательно листает что-то на экране, лишь изредка бросая мимолетный взгляд в маленькое полуподвальное окошко у меня за спиной.

Я облокачиваюсь на руки и жду. За исключением приглушенных звуков из наушников Криса, больше ничего не слышно. Он задумчиво покачивается на стуле, и мне нравится наблюдать за ним, когда он так увлечен музыкой. Это позволяет изучить его поближе. Я стараюсь не ерзать. Он несколько дней не брился, и ему очень идет. На мой вкус. Ему приходится постоянно откидывать с лица волосы, а потому, наверное, стрижки тоже давно не было, но мне нравится

его небрежный образ. И то, как пряди касаются задней части шеи... Боже, меня буквально опьяняет вид загорелой кожи между волосами и краем футболки. Каково это, прижаться туда губами, медленно целовать его плечи, касаться кожи языком...

Я сумасшедшая. Хорошо, хоть слюни не пускаю. И не стону.

– Музыка должна быть фоном, настроением. Когда тебе станет комфортно, тогда можно двигаться, бежать. Тебе нужны песни со смыслом, настроением и душой. Не это попсовое дерьмо.

Я трясу головой, возвращаясь в реальность.

– Я не знаю. Мне не нравятся песни с глубоким смыслом.

Крис опускается передо мной на колени и протягивает один наушник. Я помогаю вставить его в ухо, а Крис откидывает мои волосы назад и не спешит убрать руку. Он поворачивает мое лицо, заставляя смотреть прямо в глаза.

– Нужна музыка, которая заставит чувствовать. Какая-то делает тебя сильной, какая-то слабой. Одна вызывает решительность, а другая разрывает на части. Но тебе нужно все сразу.

Начинает играть музыка. Медленная. Мягкая и ритмичная, многослойная. «Run through pain»⁴.

Я снова трясу головой и смотрю мимо него.

– Нет. – Вместо этого мне хочется сосредоточиться на загаре у него на затылке.

Крис кивает.

– Да. Прочувствуй все эмоции, пропусти через себя.

– Нет, – еще более категорично отвечаю я. – Слишком часто я это делала.

– Я так не думаю. Скорее ты останавливаешься на какой-то отдельной, а потом отмахиваешься от нее. Хватит бороться.

– Как ты узнал? – Проклятье. Снова чувствую знакомое жжение в глазах. Как легко играть с моими эмоциями, их кидает из крайности в крайность. Похоть, потом гнев, потом боль... она никогда не закончится.

А Крис, кажется, все только усугубляет. Почему я не могу просто держаться от него подальше?

– Все твои действия буквально кричат об этом. Ты цепляешься за прошлое, потому что это все, что у тебя есть.

– Это все, что у меня есть.

– Найди еще.

Я качаю головой. Я не знаю, как это сделать.

– Слушай. – Крис оглядывает комнату, словно пытаюсь найти способ убедить меня. Он на минуту задумывается. – Твои родители умерли. Мир развалился на части.

Я киваю.

Он кладет ладонь мне на щеку.

– Тебя словно выбросили за борт.

Я снова киваю.

– И ты пытаешься дышать.

Так и есть. Постоянная борьба, чтобы остаться на плаву. Мне хватает кислорода, только чтобы не пойти ко дну. Но его слишком мало для полноценной жизни.

– Вот и делай это. Дыши. Просто дыши. – Он прибавляет громкость и гладит меня по волосам.

Я хочу сказать ему, что из-за боли последних четырех лет не уверена, что смогу дышать самостоятельно.

---

⁴ «Run through pain» – песня английской металкор-группы Ravenface.

– У тебя есть настоящее, – говорит Крис. – Есть будущее. Разберись с прошлым, чтобы не оглядываться назад. Это просто боль.

Я тяжело вздыхаю и снова поднимаю на него взгляд.

– Просто боль, – повторяю я.

– Да. – Он снова отводит мои волосы назад, и у меня перехватывает дыхание, тело обдаёт жаром. Его прикосновения ни с чем не сравнимы. В голове все путается от смеси внутренней тоски и острого ощущения нашей близости. – Да, Блайт.

– Просто дышать? – Я борюсь со смехом.

– Ну, почти.

– Именно так ты и делал?

– Да. Я сам выгасил себя из ада. Справился и двинулся дальше. Ты тоже на это способна.

У меня не было сил остановиться. Я хватаю Криса за футболку и тянусь к нему, застыв в миллиметре от его губ. Я хочу ощутить его рот, попробовать на вкус, дышать одним воздухом с ним. Чувствую, как он напрягается, но не отстраняется.

Мы оба не двигаемся.

Я уверена, что в комнате жарко.

Наконец я решаюсь и практически касаюсь его губ. Отпускаю футболку и кончиками пальцев веду выше, пока не достигаю гладкой, нежной кожи на его шее. Я знала, что она именно такая. Крис нежно отвечает на поцелуй, и я расслабляюсь еще больше. Его язык касается моего, и я вздрагиваю. Атмосфера в комнате наэлектризована моими эмоциями и пылкой, непреодолимой страстью к этому человеку.

Никогда не думала, что медленный поцелуй может быть таким страстным. Крис не лапает меня и не засовывает язык мне в рот. Я не могу ошибиться, что он чувствует то же, что и я. Ведь не могу же?

Нет, потому что Крис начинает медленно гладить меня по руке. Он убирает наушники, оставляя только нас и тишину. Его прикосновение так сильно на меня влияет, что я вынуждена прервать поцелуй и отдышаться. Я впиваюсь пальцами в его кожу, наблюдая, как он смотрит, трогает, изучает меня. И стараюсь не морщиться, когда он проводит пальцами по шраму на моей руке. Я забыла, что на мне лишь футболка. Такое со мной впервые, потому что я никогда не забываю об этом. Но Крис касается шрама так, словно его и нет, как будто моей вины и прошлого сейчас не существует.

Он добирается до плеча и не останавливается. Я закрываю глаза, когда Крис проводит над грудью, и ахаю, почувствовав первое прикосновение к ней. Крис опускает руку и скользит под футболку, под лифчик, и прижимает ладонь. Его дыхание становится прерывистым.

О боже, я сейчас закричу.

Другой рукой он поглаживает нижнюю часть спины, и это сводит меня с ума. Так неторопливо. Он такой уверенный. Слегка толкает меня назад, чтобы заглянуть в глаза. Каждая частичка моего тела пылает. Мне нравится, как он смотрит, когда ласкает меня. На его лице намек на улыбку и... удивление? Я замечаю смущение, он явно не ожидал такого развития событий. Если раньше я сомневалась, то теперь знаю, что он чувствует ту же связь, что возникла еще у озера. Всепоглощающее понимание, магнетическое притяжение. По крайней мере, я хочу, чтобы он это чувствовал.

Обеими руками я отвожу его темные волосы от лица, пропускаю их сквозь пальцы и скольжу по плечам. Я не тороплюсь, потому что хочу впитать каждую секунду нашей близости, каждую черточку его лица. Красивый изгиб его бровей, тень от щетины на щеках, как он покусывает губу, пока я наблюдаю за ним. Более того, я вижу все наши сходства и различия; у нас обоих прошлое полно боли, но Крис пережил его, и я тоже хочу. Сейчас же я сдавшаяся неудачница, но в нем вижу возможность спасения.

Поэтому для меня его прикосновения значат нечто больше, чем просто физическое влечение.

Крис накрывает ладонями мою грудь и медленно поглаживает большими пальцами. Сжимает пальцами сосок, и я запрокидываю голову назад, оказавшись не готова к болезненному желанию между ног. Я выгибаю спину, подставляя грудь и жаждаю большего. Еще секунду Крис дразнит мой сосок, но потом убирает руку. Я почти всхлипываю, но он снова наклоняется ко мне и целует. На этот раз сильнее. Его поцелуй словно дарит вечность, исцеляет и решает все проблемы.

Уверена, никто другой не смог бы так меня поцеловать.

Я могла бы вечно вдыхать его аромат.

Могла бы вечно влюбляться.

Невозможно отрицать, что я явно изголодалась по физическому и сексуальному контакту. Но это все еще не объясняет, почему так отчаянно хочется сорвать одежду с этого парня, после того как шарахалась от всех остальных. Никогда еще я так не заводилась. Я двигаюсь к самому краю кровати, хватаю Криса за талию и притягиваю ближе. Он крепко обнимает меня, прижимаясь между ног. Я таю от нашего поцелуя, его язык идеален. Не могу насытиться им, хочется сильнее сжать его, хочется большего. Хочется всего. Это бессмысленно. Я едва его знаю и никогда за все три года не слыла шлюхой в кампусе. Физически и эмоционально это самое интимное мгновение в моей жизни.

Поразительно, но сейчас я в этом уверена. Крис проник в ту маленькую часть меня, которая все еще ищет надежду. И удовольствие.

Крис движется губами к моей шее, его дыхание опалает. Ему приходится отстраниться, чтобы я смогла стянуть через голову его футболку.

Гребаный ад, он прекрасен.

Я касаюсь его груди. У него идеальный пресс, который я уже видела тогда, на озере. Крис подтянутый, решительный и совершенно бесподобный. И теперь я прикасаюсь к нему. Загипнотизированная его телом, провожу по линиям его грудных мышц, скользя пальцами по его соскам, вниз к прессу и едва заметной дорожке волос, спускающейся к линии джинсов. А потом повторяю все снова. Я могу делать это часами. Крис тихонько стонет. Я не чувствую неуверенности в себе и не боюсь касаться его. Мною движет интуиция. Кажется, что даже простые прикосновения способны утолить мою жажду. Он пленил меня.

Я наклоняюсь и провожу губами по его груди, целую и касаюсь языком его кожи. Крис гладит меня по волосам, пока я пробую на вкус его тело. А потом вновь поднимаюсь к его губам. Крис, не теряя ни секунды, завладевает моим ртом. Я откидываюсь на кровать, и он придавливает меня всем своим весом. Мы прижимаемся бедрами, пока он прокладывает дорожку из поцелуев от моего рта к груди, по футболке и ниже к животу.

– Кристофер, – я шепчу его имя, снова и снова, стоит остановиться, но я не могу. Чувствую такое облегчение, что нашла его.

Он снова ложится на меня и страстно целует, сильнее прижимаясь между ног. Я чувствую, как он возбужден, как сильно хочет меня.

Но потом, без предупреждения, Крис приподнимается на руках и пытается отдышаться. Он прижимается ко мне щекой, и я чувствую, как теряю его. Не знаю, что сделала неправильно, но он явно не хочет продолжать. Меня убивает эта внезапная стена, дистанция между нами. Что бы ни происходило несколько минут назад – оно исчезло.

Крис легонько целует меня в щеку и шепчет:

– Я не... Не думаю, что это хорошая идея.

– Ох. Ладно. – Я понятия не имею, что сказать и почему так произошло. А еще, почему он не отстраняется и дрожит. Поэтому я спрашиваю: – Крис. Почему ты дрожишь?

– Я не дрожу, – отвечает он. Однако это так.

Я глажу его руки, желая прикоснуться к нему так долго, сколько он мне позволит. Он зарывается носом в изгиб моей шеи, успокаивая дыхание. Я так смущена.

Он приподнимается на руках.

– Мне правда нужно заниматься. В понедельник крупный тест по геологии.

Я отворачиваюсь от него.

– Конечно. У меня тоже куча дел.

Следующие несколько минут отвратительны. Ужасно неловкая сцена, когда мы выпутываемся из объятий друг друга; я бормочу идиотское спасибо за помощь с музыкой, а Крис с виноватым видом натягивает футболку, заставляя меня чувствовать себя еще хуже.

После глупого небрежного прощания я выбегаю из комнаты, прежде чем Крис успевает сказать что-нибудь еще. Путь до моей комнаты непростительно долог. В голове крутится мысль о пути позора. Захлопываю за собой дверь и падаю на кровать.

Я всхлипываю. Что ж, черт, от меня определенно пахнет не очень. Это первая проблема. Может, его оттолкнул запах? Когда я шла к нему, то не собиралась стягивать с него футболку. Я перекатываюсь на бок и опускаю руку на пол. Несколько пролетов ниже Кристофер, наверное, учит про скучные слои земли или что-нибудь подобное, а я лежу здесь в полной растерянности.

Но, проклятье, это было горячо. Пусть даже я не знала, почему он остановился и что я сделала не так.

Эта сцена все равно вызывала улыбку на губах.

Двадцать первое июля

– Я собираюсь к воде, – кричит Блайт в глубину дома и облакачивается на деревянные перила. Даже деревья не могут полностью скрыть невероятный вид на океанскую бухту, вода сверкает в полуденном свете. И Блайт любит соленый запах воздуха, особенно сильный сейчас, во время отлива. Младший брат Джеймс постоянно морщит нос, а она, наоборот, с удовольствием глубоко вдыхает.

– Давай, повеселись на кладбище моллюсков, – кричит Джеймс. Так он называет отлив. Неоднократные объяснения Блайт, что запах не имеет ничего общего с умирающими моллюсками и что на самом деле с ними все в порядке и они живы, не изменили его отношение. И не смогли объяснить ее любовь к ним.

Блайт считает, что причина его кислого отношения кроется в том, что именно она выбрала дом из распечатанного родителями списка.

Но разве это повод для злости? В конце концов, это же всего на две недели. Через четырнадцать дней семья Блайт наконец-то сможет переехать в свой новый летний домик в Бар-Харборе, где нынешние владельцы собирали вещи дольше, чем ожидалось. Задержка была неожиданностью и поставила родителей Блайт в неловкое положение: в середине лета практически невозможно отыскать жилье поблизости от популярного Бар-Харбора. Так они и оказались в Чилфорде, в двух часах езды к югу, в старом доме под названием «В паре шагов».

К счастью, он оказался прекрасной заменой загородному дому в Бар-Харборе, и они сразу же поселились в нем.

Каникулы у Блайт всегда веселые и жизнерадостные, но она знает, что так далеко не во всех семьях. Она также понимает, что все благодаря ее родителям. Они соблюдают волшебную грань между участием в ее жизни и предоставлением свободы и пространства. К тому же у нее замечательный брат. Им бы стоит больше ругаться, учитывая, что ей семнадцать, а ему пятнадцать, но нет. Он уравновешенный, дисциплинированный и рассудительный. Блайт этого очень не хватает. Но под холодной оболочкой он добрый. По-настоящему, искренне добрый. И удивительно скромный, хотя и лучший футболист в Массачусетсе. Определенно из них двоих она более легкомысленная и веселая, но Джеймс, кажется, ценит ее за это. Они хорошая пара.

– Эй, Джеймс! Джейми! – зовет она. – Дохлые моллюски хотят с тобой поздороваться! Пойдем со мной на пляж!

– Что? Господи, да перестань ты орать, ненормальная. – Ее брат распахивает сетчатую дверь и упирает руки в бока. – Мы же на отдыхе. Тихие разговоры, спокойные движения, – он слегка улыбается, и искорки в его глазах говорят, что брат определенно в хорошем настроении.

– Пойдем плавать! День идеальный, ни облачка. Неподалеку есть док, можно доплыть до него.

– Я только что съел огромный бутерброд. Потом, хорошо? Мне придется отрабатывать три килограмма наеденного. – Он похлопывает себя по мускулистому прессу. Блайт знает, что он симпатичный парень, но до сих пор избегает почти непрерывных телефонных звонков и общий интерес со стороны чуть ли не падающих к нему под ноги девчонок. Но футбол у него на первом месте. – Но тебе не стоит одной так далеко плавать, – продолжает он. – Возьми лодку, а я отсюда за тобой понаблюдаю.

– Ладно, мистер Ответственность. Можешь спасти меня, если начну тонуть. Я не суперзвезда футбола, но плаваю достаточно хорошо. – Это правда. Она хороший пловец. Возможно, ее параметры и движения не подходят под стандарты команды по плаванию, но она способна справиться даже с бурными водами океана. Вообще, кажется, что во время плавания все физические недостатки не имеют значения. В воде Блайт чувствует себя сильной, но больше всего ей нравится само ощущение держаться на поверхности. Ничто не сравнится с тем, как тебя

движут и убаюкивают волны океана. Просто нужно осознавать его мощь. «Никогда не забывай, – однажды сказал ей отец, – течение, приливы, волны... Они хитрее тебя. Они здесь главные. Твоя работа слушать. Никогда не прекращай их слышать».

Ее отец был прав. И Блайт всегда внимала тому, что говорила ей вода.

– Ладно, ладно, оставайся. Я скоро вернусь. Хочешь на ужин моллюсков и лобстеров? Я видела по дороге палатку с морепродуктами. Можем приготовить для мамы с папой!

– Давай, – говорит он, улыбаясь. – Повеселись.

Дорожка от дома к берегу проходит под высокими вечнозелеными деревьями и обсажена раскидистыми папоротниками. Блайт нравится, как листья щекочут ноги, а каменистая дорога замедляет спуск к воде. Ей вообще здесь не хочется никуда торопиться. Этот отпуск в штате Мэн окажется затишьем перед бурей. Осенью ее ждут заявки на поступление в колледж, выпускной класс в старшей школе: экзамены, анкеты, собеседования... Сплошные нервы. Очевидно, что на первом месте у нее стоит Мэттьюс. Помимо простой истины, что это замечательный колледж, там, к тому же, встретились ее родители. Блайт не хочется идти в популярный университет, где она потеряется в море студентов. Студенческие вечеринки и хаос в кампусе ее не привлекают. Мэттьюс для нее идеален. Должен быть. Даже сейчас на ней старая потертая футболка с надписью «Мэттьюс». Бледно-голубые буквы постирались во многих местах, а красный фон стал больше похож на розовый, но Блайт плевать на это. Она ее любимая. Конечно, зимы в Висконсине – отстой, но красивый кампус и интересные профессора компенсируют это. Блайт претит указывать в анкете, что оба ее родителя учились там же, потому что хочет самостоятельно заслужить хорошее мнение о себе. Но если это поможет поступлению, то она не станет отказываться от возможности. Будет вынуждена использовать связи родителей.

Мысль о предстоящей работе еще больше укрепляет ее решимость наслаждаться каждой минутой лета. Что довольно легко, так как у дома есть свой участок пляжа. Блайт гораздо больше нравится этот усеянный ракушками берег и холодная бурная вода, чем идеальный песок и теплая прозрачная вода тропических курортов.

Мэн кажется ей настоящим и гораздо менее претенциозным. Валуны в морских водорослях, покрытые ракушками приливные бассейны и всепроникающий соленый воздух – вот что делает Мэн особенным.

Она подходит к концу узкого пирса и бросает свои вещи в привязанную старую лодку. Набрасывает все еще влажный оранжевый спасательный жилет и с легкостью гребет к квадратному плавучему доку, который качается на волнах. Лодка весело подпрыгивает на воде. Блайт нравится находиться среди людей, но одиночество она любит не меньше, а потому ее привлекает уединенность этого маленького плавучего островка посреди бухты. Через несколько минут она добирается до него и укладывается на полотенце. В половину четвертого солнце все еще в разгаре, но от воды веет легкой прохладой. Под одеждой у Блайт купальник, но сначала ей хотелось погреться на солнышке, прежде чем нырнуть в Атлантику. Она сбрасывает кроссовки и снимает шорты, но футболку оставляет.

Ложится на живот и кладет голову на скрещенные перед собой руки. Это звук. Ох, тихий плеск волн о док гипнотизирует, а жар от солнечных лучей на ногах приятно смягчается океанским бризом. Блаженство. Док качается под ней, и Блайт отдается воле океана, непредсказуемому ритму воды и своим мечтам.

Прошли минуты, а может, и часы, когда что-то начинает беспокоить Блайт, хотя она и не понимает, что именно. Она оглядывается. Лодка все еще привязана к доку. Ничего не случилось. Блайт качает головой. Обводит взглядом правую сторону пляжа и дома. Какие-то стоят позади и сильно скрыты деревьями, а какие-то видны как на ладони. Забавно, думает она, как крошечные и местами обветшавшие дома ютятся рядом с явно более богатыми особняками, почти дворцами.

Движение спереди на противоположном берегу привлекает ее внимание. Кто-то медленно бредет по кромке воды. Блайт подпирает подбородок руками. С такого расстояния трудно разглядеть, но она догадывается, что это парень примерно ее возраста. Высокий, из-под кепки выглядывают черные волосы. На нем коричневые шорты Карго и больше ничего. В каждой руке у него по ведру. Блайт наблюдает, как он медленно бредет по песку, с трудом делает несколько шагов в океан по густой грязи после отлива, а затем опустошает наполненные водой ведра. Он останавливается на мгновение, запрокидывает голову и замирает. Может, наслаждается замечательным днем? Или что-нибудь еще.

Парень наклоняется и наполняет водой каждое металлическое ведро. Медленно выпрямляется и, явно уставший, бредет обратно вдоль берега.

Он немного отставляет руки в стороны, чтобы ведра не били его по ногам. Когда доходит до какой-то воображаемой линии, снова возвращается в воду и опустошает ведра. Блайт минут десять зачарованно наблюдает, как он повторяет свой ритуал снова и снова. Что, ради всего святого, он делает? Может быть, у него какое-то навязчивое расстройство, которое требует повторений обыденных действий снова и снова, пока не почувствует удовлетворение? Хотя едва ли подобное занятие можно назвать обыденным. Полные ведра тяжелые даже для человека с таким спортивным телосложением, а без остановки таскать их туда-сюда должно сильно выматывать. Возможно, это какое-то физическое упражнение? Должно быть, он так же повернут на спорте, как и ее брат. Она продолжает наблюдать.

Прошло еще около двадцати минут. Его ритм не меняется, а вот физическое изнеможение уже явно заметно. Ему должно быть больно. Блайт встает и прикрывает ладонью глаза от солнца.

Еще десять минут.

«Прекрати, – шепчет она, – ты должен остановиться. Это уже слишком».

Кто знает, сколько он так делал до того, как она заметила. Сумасшествие. Но парень сосредоточенно продолжает свое скучное занятие. Даже когда спотыкается и проливает половину ведра.

«Господи, прекрати! – тихо умоляет она. – Поставь ведра на землю. Ты скоро в обморок упадешь. Что, черт подери, ты делаешь?»

Наконец он останавливается и поворачивается к ней спиной, глядя в сторону деревьев. Обалдеть! Его спина сильно обгорела на солнце. Даже на расстоянии видно, как сильно. Должна ужасно болеть, или скоро будет. Некоторое время он продолжает смотреть на деревья, склонив голову набок. Ищет что-то? Или кого-то? Он бросает ведра и наклоняется, упираясь ладонями в колени. Вероятно, пытается отдышаться. Парень снова делает несколько шагов в воду и, кажется, качает головой.

Когда он поднимает взгляд, то замечает Блайт. Наверное, ей следовало бы смутиться, ведь ее застали за разглядыванием незнакомца, но ей не стыдно. Лишь убирает от глаз руку и остается на месте. Парень смотрит прямо на нее. Его усталость, печаль, безнадежность – все передается по воде к Блайт и разрывает ей сердце. Что-то здесь крайне неправильно.

Она поднимает руку и неуверенно машет ему. Он тоже машет в ответ.

Блайт складывает ладони рупором возле рта.

– Привет!

– И тебе привет!

– Ты... в порядке?

Он кладет руки на пояс и бросает быстрый взгляд в сторону, прежде чем ответить. Он кричит в ответ:

– Да. Все нормально.

– Что ты делаешь? – Она пытается изобразить скорее любопытство, чем беспокойство. – С ведрами. Это тренировка такая или что?

Ей видно, как он смеется.

– Вроде того, – кричит он в ответ.

– У тебя сильный ожог от солнца. Стоит надеть футболку.

– Все нормально.

– Не думаю. Спина ужасная.

– Со мной все будет нормально. Даю слово.

– Это твой дом? Пожалуйста, сходи за футболкой.

Он оглядывается.

– Я не могу. Не должен... Не могу разговаривать. Но со мной все будет в порядке.

Блайт хмурится.

– Я дам тебе свою. Могу на лодке привезти. – Она приседает на корточки и начинает отвязывать лодку, но парень ее останавливает:

– Нет! Не делай этого! – Тревога в его голосе пугает и беспокоит. Он снова озирается, а потом поворачивается к ней. – Просто... не надо. Прости. Мне очень жаль.

– Не извиняйся. – Блайт встает и чувствует, как колотится сердце.

Они стоят молча. Она не может отвести от него глаз. От парня волнами исходят отчаяние и сильная усталость. Блайт боится пошевелиться, боится, что он упадет на колени, если она отвернется. Поэтому она продолжает молча поддерживать его. Что бы ни происходило, это не навсегда. Все будет хорошо. *У тебя все будет в порядке.* Она кивает ему. *Я здесь. Я рядом.*

Наконец он кричит:

– Мне нужно продолжать.

Блайт какое-то время не способна издать ни звука. Она не хочет, чтобы он продолжал. Не понимает, что происходит, но все это кажется ей странным. Опасным.

Она кивает.

– Как скажешь. Я останусь с тобой.

– Ты не должна.

– А я останусь. Мне так хочется.

– Спасибо. – Ей кажется, что она слышала, как надломился его голос. Он берет металлические ведра и начинает бессмысленно наполнять их и переносить воду с одной части берега на другую. Она точно знает, как трудно во время отлива идти по тяжелому мокрому песку. Ноги глубоко увязают, превращая каждый шаг в настоящее испытание. Это может быть весело, если ты роешься в поисках моллюсков или даже если потерял шлепку в густой грязи. Но это? Чем бы ни занимался этот парень, весельем точно не назовешь. Он лишь раз останавливается, чтобы вытащить что-то из ведра и выбросить подальше в воду.

Чуть не плача, Блайт снимает с себя футболку. Она оглядывается в поисках решения, поскольку парень ясно дал понять, что к нему плыть нельзя. И тут ее осенило: спасательный жилет. Она садится рядом. Промучившись несколько минут, ей все же удается с помощью ремней привязать футболку Мэттьюса и бутылку с водой к жилету. Она подходит к краю дока, как можно ближе к парню. И изо всех сил бросает спасательный жилет.

– Начинается прилив, – кричит она.

Парень на ходу поворачивает голову в ее сторону.

– Я тебя не бросаю. – Теперь ее голос чуть не срывается.

Он снова кивает.

Блайт садится и подгибает колени к груди. Нет, она его не оставит. Поэтому в течение следующих полутора часов она остается, желая забрать у него часть его страданий. Если бы могла, Блайт взяла бы на себя его боль, какой бы она ни была. На несколько минут она закрывает глаза, посылая ему силу.

Это не ломает тебя. Это не ломает тебя.

Он не плачет, и не будет. Уже несколько раз Блайт практически проигрывает битву со слезами. Он стойкий и уверенный. Храбрый. Он останавливается только тогда, когда к нему подплывает ее спасательный жилет. Блайт задерживает дыхание, пока он пытается отвязать бутылку с водой и футболку. Должно быть, его руки ослабли и дрожат. Он неуклюже натягивает мокрую футболку через голову, оглядывается на деревья, а потом выпивает воду. В качестве благодарности он салютует ей бутылкой.

Позже, когда завершает свое... задание? работу?... он внезапно отшвыривает оба ведра в сторону на обкатанные океаном валуны. Звук эхом проносится над водой, заставив Блайт поморщиться. Он с минуту, как ненормальный, меряет шагами берег, а затем поворачивается к Блайт и высоко поднимает руки, растопырив пальцы.

Блайт повторяет его движение, словно соприкасаясь с ним ладонями, и как будто переплетает с ним пальцы. Парень прикладывает руки к груди, и Блайт делает то же самое.

Она улыбается.

Он только что утер всем нос.

Парень почти незаметно кивает, а после медленно разворачивается и устало бредет к дому.

Как только он скрывается из виду, Блайт тут же теряет то тепло, что она ощущала от их связи. Его вновь заменяет беспокойство. Она не может расслабиться.

Приплыв назад и привязав лодку, Блайт идет по тропинке домой, остановившись на террасе бросить последний взгляд на бухту. Ее привлекает стоящий рядом шезлонг, и она опускается в него, глядя на воду и чувствуя усталость.

Несколько минут спустя она слышит по скрипучему деревянному полу приближающиеся шаги Джеймса.

– Ты готова идти? Я видел, как ты недавно вернулась. Что ты здесь делаешь?

Шезлонг впивается ей в спину, но она по-прежнему не двигается.

– Блайт? Ты в порядке? Чего ты там выглядываешь?

– Что? Ах да. – Блайт не сводит глаз с бухты. – Просто люблюсь волнами. Пейзажем. – Она на секунду закрывает глаза, а затем возвращается к действительности. – Конечно, пойдём. – Она встает.

– Тебе стоит что-нибудь накинуть поверх купальника. Я не позволю тебе полураздетой возить меня по городу. К тому же, скоро станет прохладно. Сама знаешь, какие здесь вечера. – Джеймс оглядывается. – А где твоя футболка из Мэттьюса?

– Ох. Это. У меня ее нет.

– Что ты имеешь в виду? Потеряла? Как ты вообще умудрилась? – Он хмурится, растягивая свою толстовку и протягивая ее сестре. – Она же твоя любимая.

– Спасибо. – Блайт просовывает руки в рукава и тербит молнию. – Все нормально. Моя футболка... нашла нового хозяина.

– Чего?

– Ничего, – она улыбается, когда они заходят в дом. – Знаешь что?

– Что?

– Ты очень хороший брат. Я люблю тебя. И люблю нашу семью.

Джеймс изображает серьезную мину.

– Ты заболела? Что с тобой не так?

Она смеется.

– Заткнись. Seriously, мы счастливы.

– Означает ли это, что ты пустишь меня за руль? – Джеймс хватает со столика ключи и машет перед лицом Блайт.

– Черт, нет, ты не поведешь. – Она отбирает у него ключи. – Мало того что у тебя нет даже временного ученического разрешения, но я бы не доверила тебе провезти нас через эту узкую колею в виде нашей подъездной дорожки.

– Ладно, ладно, – ворчит он. – Поехали за ужином и будем надеяться, что не отравимся после этой твоей придорожной палатки.

– Отличный настрой! – Она придерживает открытую входную дверь.

– Блайт.

– Да?

Джеймс кладет ладонь ей на макушку и лохматит волосы.

– Хотя ты и не позволяешь мне даже немного нарушить закон, я все равно тебя тоже люблю.

Блайт вздыхает.

– Черт бы тебя побрал. Ладно. Можешь порулить. Но не смей говорить родителям.

Глава 8

Новые открытия

Крис сотворил какую-то магию с моим плей-листом. Восемнадцатая минута не такая и ужасная. Бег не такое отвратительное занятие. Это моя вторая целая неделя ежедневных тренировок. Мне по-прежнему очень тяжело, но я не сдаюсь. Каждый день я чувствую себя немного сильнее.

Это просто боль.

Я увеличиваю громкость. Крис прав. Соревнование с музыкой не помогает ни скорости, ни выносливости. Мне бы никогда не пришло в голову бежать под медленный ритм, но это работает. Правда, тексты и настроение половины песен убивают меня: любовь, похоть, тоска, гнев, желание, печаль. Но оказывается, что я могу понять все эти чувства. Удивительно приятно знать, что другие люди в мире страдают так же, как и я. И хотя это до смешного очевидный факт, но я начинаю понимать, как трудно смотреть дальше собственной боли. Крис вместе с сестрой и братьями пережили смерть своей матери, и это, конечно, невероятно трудное испытание. Что тяжелее – потерять родителя в детстве или в подростковом возрасте? Я чувствую укол сочувствия к Крису. Он был таким маленьким. Его отцу, должно быть, пришлось так много пережить. Приходилось бороться не только с собственным горем, но и горем четырех маленьких детей. Интересно, женился ли он когда-нибудь снова? Возможно, спрошу об этом у Криса. Или Сабина, поскольку с ним все гораздо проще. Ведь я не набрасывалась на него в его собственной комнате.

Но суть здесь в том, что у других людей тоже есть проблемы и горькие воспоминания, как и у меня. Я не одинока. Да, я потеряла своих родителей при трагичных обстоятельствах и считаю это оправданием для дичайшей депрессии, но... Возможно, Крис переубедил меня. Он сказал, что я держусь за прошлое, потому что считаю, будто у меня ничего больше нет.

Постоянное чувство вины ни к чему меня не приведет.

Он сумел найти что-то помимо боли, и я тоже смогу.

Музыка в наушниках меняется, и я чувствую желание несколько минут пройтись.

«Нет, нет, нет! Ты не будешь идти! – кричу я себе. – Слушай музыку. Соберись. Есть люди, у которых все гораздо хуже, чем у тебя. Хватит быть такой эгоистичной и... и... самолюбленной. Мир не вращается вокруг тебя и твоей ужасной боли, черт подери».

Телефон сигналил, и я опускаю взгляд. Меня накрывает волной эмоций – это Крис. Он просто отправил мне музыку. Еще песен тридцать, может, больше. Играл первые несколько треков, и хотя первая строка текста чуть не разбивает мне сердце, моя энергия, или, по крайней мере, мотивация, возвращается.

Это просто боль.

Я не собираюсь останавливаться. Я сосредотачиваюсь на музыке и словах, игнорируя протесты своего тела.

Я хочу пофантазировать о Кресе, чтобы отвлечься, но после нашей злополучной неловкой сцены на его кровати этого лучше не делать. Он определенно не мечтает обо мне. Когда мы сталкивались в кампусе, он не избегал встречи, но и не пытался заговорить со мной. Вполне возможно, что я просто выдумала ту связь между нами. Может быть, я так на него реагирую, потому что годами никто не прикасался ко мне. Честно говоря, в последний раз меня трогали на похоронах родителей. Тогда было много объятий родственников и знакомых, но это явно не похоже на страстные ласки в общезитии. Немудрено, что я теперь так взвинчена.

Про первые несколько недель после смерти моих родителей я помню почти постоянные объятия, пожатия рук и похлопывания по голове сочувствующих родственников и друзей.

Тогда мне этого совсем не хотелось. Помню, как боролась с желанием прогнать всех, кто ко мне приближался. Я начала ассоциировать прикосновения со смертью и скорбью. Не знаю, действительно ли я отталкивала людей, или они просто перестали пытаться утешить меня, но, в конце концов, нежеланные проявления сочувствия прекратились. Мы с Джеймсом больше никогда не обнимаемся, а тетя всегда настолько скованная, что кажется, она такая же бесчувственная, как и я. Ну или какой я была, потому что последнее время все так и норовят испытать меня с этой стороны. Итак, я провела четыре года без прикосновений и ласки, не испытывая в них ни малейшей потребности.

Но теперь появился Кристофер Шепард – парень, который все изменил. Не то чтобы мое желание к нему взаимное. Я допускаю, что он мог тогда из жалости пошалить со мной. Конечно, только поэтому необязательно было прикасаться ко мне так, как это делал он, или прижиматься всем телом, явно возбуждаясь. По крайней мере, ласки со мной явно не оставили его член равнодушным. Очередная маленькая победа. Не важно. Я стараюсь смотреть на это как на забавный, ничего не значащий поцелуй с приятным дополнением в виде ласк. Хотя мне он ничего не значащим не казался. Совершенно. Он казался мне всем.

Черт.

Я просматриваю новый плей-лист Криса. Лично подобранные песни. Не знаю, слишком ли это – пытаться найти смысл в его выборе, но трудно не заметить в нем некоторую связь.

В голове возникает еще один большой вопрос: почему он никак не отреагировал на мой шрам? Он не задержался на нем, когда прикоснулся, и ничего не спрашивал.

Я бегу быстрее. Мое дыхание уже не такое сбивчивое, как в тот первый раз. Сегодня тело чувствует себя более уверенно и естественно. Впереди показывается общежитие, и я проверяю время. Ха. Я добежала до конца своего обычного маршрута на шесть минут раньше, чем вчера, и не готова свалиться замертво. Я начинаю переходить улицу.

Проклятье.

Я разворачиваюсь. У меня хватит сил еще минут на десять бега. И плей-лист меня манит. Крис меня манит. Лишние десять минут бега позволят еще немного помечтать о том, как Крис прижимается ко мне и без остановки целует, гладит по волосам и ласкает мою кожу под футболкой. В моих фантазиях он заходит еще дальше, касаясь каждого сантиметра моего тела.

Глава 9

Как важно быть

Что ж, эти брюки отвратительны, и я не могу в них показаться на людях. Я недовольно гляжу в зеркало. С таким же успехом можно было наклеить на задницу знак с надписью «Доказательство силы гравитации». Ткань почему-то сильно провисает, странно морщится и сборит, ухудшая и так неидеальную форму. Разозлившись, я стягиваю их и швыряю в глубину шкафа. В кои-то веки мне действительно хочется хорошо выглядеть, а вместо этого я похожа на кусок говна. Я сжимаю задницу в ладонях. Глупый жир. Погодите минутку... Здесь определенно есть улучшения. Появилась упругость. Бег окупается.

Обалдеть! Эти брюки слишком большие. Неудивительно, что они так ужасно сидят.

Я начинаю рыться в шкафу. У меня должно быть что-то менее жуткое для спектакля Сабина. Я нахожу пару непростительно дорогих узких джинсов, которые мне подарила тетя и в которые я никогда раньше не влезала, и втискиваюсь в них. Отражение в зеркале тошноты не вызывает, а потому я их оставляю. Узкие джинсы хороши тем, что они облегают и удерживают все на месте, но при этом достаточно тянутся, чтобы я могла дышать. Каким-то чудом давно позабытая тушь не засохла, а потому я подкрашиваю ресницы и провожу по губам таким же старым розовым блеском.

Стук в дверь пугает меня. Я не помню, чтобы раньше кто-то заходил в мою комнату.

– Кто там? – Я быстро тянусь к ближайшей кофте, сваленной в кучу отвергнутых вариантов на кровати. Может, ко мне и нечасто приходят гости, но я точно знаю, что не стоит встречать их в одном лифчике.

– Это Эстель.

– Ох. Входи.

Эстель открывает дверь. Прекрасно. На ней облегающее темно-синее короткое платье и великолепные босоножки на трехдюймовом каблуке. На ногах они держатся благодаря широким лентам, обвязанным вокруг икр. В ее черных волосах появились короткие ярко-розовые полосы, красиво обрамляющие лицо. Она выглядит так горячо, что даже мне хочется на нее накинуться.

– Привет. Ты сегодня собираешься на представление, да? Сабин поручил доставить тебя, а Крис встретит нас там. Это наш брат Эрик.

– Привет. – Эрик выходит из-за спины Эстель. Даже если бы я не знала, что они двойняшки, это и так бросается в глаза. Он самый низкий из трех братьев, и если бы не каблуки Эстель, они были бы с сестрой одинакового роста. У Эрика такие же выразительные черты лица, как и у нее. Они оба выглядят великолепно.

– Приятно познакомиться, Эрик.

– Значит, ты подружка Сабина? – спрашивает он.

Ох. Это Сабин меня пригласил на сегодняшнее представление, не Крис. Поэтому я подруга Сабина. А действительно ли я дружу хоть с кем-нибудь из них? Правда, Сабин постоянно пишет мне, напоминая о своем представлении: «Если ты в пятницу вечером не придешь, я проткну себе глаза, чтобы не затопить весь кампус океаном слез». Однако Крис сейчас не пришел. Да, на прошлой неделе он придержал для меня дверь общежития и был крайне милым, спросив: «Как дела?», и тут же умчался в свою аудиторию. Вот, кажется, и вся суть наших удручающих отношений.

Я киваю.

– Типа того. Мы виделись всего несколько раз, но он очень настаивал, чтобы я пришла на представление.

Эрик косится на меня.

– Ты не похожа на его обычный тип девушек.

Эстель шлепает его по руке.

– Она не одна из побед Сабина. Или Криса, если уж на то пошло. Она подруга.

Эрик слегка покраснел.

– Прости, я ничего не имел в виду. Просто Саб... занятой парень.

– Ха! Можно подумать, у Криса такого не бывает, – добавляет Эстель.

– Ну, Сабин кажется очень милым. И веселым. Дайте минутку, я только обуюсь. – Роясь в грязных кроссовках и неуклюжих черных сабо, я клянусь что-нибудь сделать со своим гардеробом. – Извините, я сейчас. Не привыкла наряжаться. Где ты купила туфли, Эстель? – спрашиваю я из глубины шкафа. – Такие красивые.

– В интернете заказала. Какой у тебя размер?

– У меня здоровые, грубые ноги. Сороковой, наверное.

– Вот, держи. – Эстель похлопывает меня по спине.

Я вылезаю из шкафа и руками стараюсь пригладить волосы.

– Что ты делаешь? – Эстель занялась трудной задачей развязывания лент, украшавших ее лодыжки.

– Даю тебе босоножки.

– Что? Нет! Ты не можешь этого сделать. Что ты тогда обуешь?

– У меня в сумочке вторая пара. К тому же эти прекрасно тебе подойдут. Эрик, достань другую пару, хорошо?

Это ужасно. Так неловко.

Эрик открывает огромную сумку Эстель и вытаскивает пару бирюзовых ботильонов, сделанных под змеиную кожу. Шпильки у них еще выше, чем у босоножек.

– Ой, Стель, они идиотские. Я с тобой рядом сидеть не буду.

– Да пошел ты. Не беспокойся. Я не собираюсь сидеть рядом с тобой, пока ты в этом скучном наряде. Хоть ты и гей, но одеваешься не очень. Вот, примерь, – Эстель протягивает мне черные босоножки и улыбается. – Я бы дала тебе ботильоны, но, судя по твоей обуви, сомневаюсь, что ты выдержишь на каблуках.

– Думаю, мне и таких хватит. Это очень круто с твоей стороны. Спасибо. – Я обуваю босоножки и бестолково кручу в руках ленты.

– Давай помогу. – Эрик опускается передо мной на колени. – Я часто наблюдал, как моя сестра это делает. Давай немного подвернем джинсы, чтобы открыть босоножки.

– Ага! Вот теперь узнаю гея! – торжествуя восклицает Эстель. Она поджимает губы и засовывает ноги в ботильоны. – Я купила на размер меньше, но это была последняя пара.

– Уверена, что не передумаешь? – Мне неудобно, что она одолжила мне босоножки, но они и правда классные.

Эстель окидывает меня взглядом.

– Твою ж мать...

– Эстель! – Эрик поднимает ладони.

Она закатывает глаза.

– Святые кексики! Лучше?

– Нет, не особо.

– Тогда, черт подери, на тебе они смотрятся лучше, чем на мне. Оставляй себе. После того, как увидела тебя в них, я больше не смогу их надеть. – Прежде чем я успеваю возразить, она уже встает и тянет меня за кофту. – Кстати, ты уверена насчет этого? Мне кажется, что этот винтаж со слоганом кока-колы тебе не подходит.

Я оглядываю себя. Это мне наказание. Смотреть надо, что вытаскиваешь из кучи шмоток.

– Нет, это... Я не надеваю такое «на выход». Вообще-то, я еще не определилась, в чем идти.

Эстель решительно разворачивается и роется в беспорядке на моей постели. Ей было бы проще что-то найти, если бы я действительно ходила по магазинам и обращала внимание на модные тенденции. Наконец она тянется за своей большой сумкой.

– Вот. Тебе будет хорошо в этом. Господи, будь у меня такие сиськи, я бы носила ее каждый день. – Она протягивает мне бледно-голубой топ. – Сегодня чертовски жарко для октября, а завтра обещают снег, так что наслаждайся теплой погодой и хвастайся своим телом.

– Эстель, я не могу...

– Да можешь, – говорит Эрик. – Похоже, у нее в сумке нарядов тридцать, поэтому избавь ее плечо от лишнего веса.

– Эрик, отвернись, – командует Эстель. – Ты все еще парень.

– Спасибо, дорогая.

Я надеваю ее топ. Шрам теперь совершенно открыт, но я решаю, что это меня не остановит. Еще никто не говорил мне столько комплиментов, как эти двое, и... и... и мне нравится. Я чувствую себя отлично.

– Ну, что скажете? – Я поднимаю руки и встаю в позу. Эрик поворачивается.

– Ну, мисс Просто Подруга, ты выглядишь отлично. – Он подмигивает. – Правда. Чертовски сексуально. А теперь пойдём. Если опоздаем, Сабин разорвет нас всех на части.

Эстель перекидывает свою огромную сумку через плечо и направляется к выходу.

Я не могла дожидаться, пока закончится пьеса. Сабин на сцене просто великолепен, очень убедителен, энергичен. Проблема не в нем. Просто актёрский зал колледжа становится похожим на сауну. Я ерзаю на сиденье и обмахиваюсь программкой. Понимаю, что с температурой здесь все в порядке. Кажется, больше никому не жарко. Справа от меня расслабленно и спокойно сидит Эстель, а по ее правую руку Эрик не сводит глаз со сцены.

Причина моего жара и беспокойства сидит в нескольких дюймах слева от меня. Плечо Криса касалось меня уже раз пятнадцать, не меньше. Учтывая, что у меня не так уж много друзей, я должна сосредоточиться на пьесе, чтобы потом похвалить своего нового друга Сабина. Вместо этого я могу лишь стараться смотреть прямо. Понимаю, что если украдкой взгляну на Криса, то могу расклеиться. Разумеется, нет никакой причины думать, что он так же остро реагирует на мое присутствие. Но каждый раз, когда он смеется над фразой из пьесы или бормочет себе под нос – или, ради всего святого, просто шмыгает носом, – я буквально дрожу от желания.

Если бы я верила в Бога или была хоть немного религиозной, то сочла бы столь сумасшедшие физические ощущения расплатой за мастурбацию. За частую мастурбацию. Думаю, у меня уже зависимость. Проснулся мой внутренний сексуальный маньяк, и теперь я почти все время страшно возбуждена. Я почти удивляюсь, что до сих пор не схватила Эстель и не засунула свой язык в рот этой красивой девушки. С Эстель у меня, наверное, получится зайти дальше, чем с ее братом.

О боже. Что со мной не так?

Дело в том, что Эстель невероятно классная, но меня она не интересует. Как и Сабин. Как и любой из сотни человек в зале. Чего мне действительно хочется, так это снова оказаться в объятиях Криса. Хочу вновь вернуться в тот день на озере. Возможно, без моего неуместного признания, что родители мертвы, и воспоминаний, которые оставили меня беззащитной в его объятиях. Или в тот момент в его комнате, когда он убрал волосы от моего лица, и его дыхание стало прерывистым. Я бы все отдала, чтобы сию же секунду сорвать с него рубашку и снова почувствовать его грудь...

Хотя и не знаю, что бы я делала, появись у меня возможность снять с него не только рубашку. Едва ли я могу похвастаться богатым опытом. Наверное, будет лучше, если между нами больше ничего не произойдет, и я останусь мучиться одна. По крайней мере, так он никогда не узнает, насколько я на самом деле неопытна.

– Прошу прощения. Можно я протиснусь? – произносит белобрысый парень, остановившийся возле нашего ряда. – Извиняюсь. Эй, Кристофер, как дела? Знаю, знаю. Я сильно опаздываю. – Он в мятой рубашке и джинсах, при этом очень хорош собой. Протиснувшись перед нами, парень опускается на сиденье рядом с Эриком.

– Это твое нормальное состояние, – шутит Крис. Он наклоняет ко мне голову, снова прикасаясь рукой. – Это парень Эрика, Закари. Он тебе понравится. Клевый пацан.

Сейчас трудно мыслить, но если ничего не ответить, то он отстранится. Я останавливаюсь на довольно обычном вопросе:

– Как давно они вместе?

– С начала прошлого года.

Я чуть поворачиваю голову. Но недостаточно, чтобы встретиться взглядом. Сердце колотится.

– Хорошо, что нам всем очень нравится Зак, – шепчет Крис. – Не могу представить, чтобы один из нас встречался с тем, кого остальные не одобрили.

– Вы приглядываете друг за другом, – говорю я.

– Конечно. Разве у вас с братом не так?

– Должно быть. Но больше нет.

Крис не сразу отвечает.

– Мне жаль.

Я вскидываю взгляд.

– Все наладится. Однажды. Я начинаю в это верить.

Мы слишком близко, но он разговаривает со мной так, словно между нами не происходит ничего странного, и я не хочу упустить момент:

– Да. Так и будет.

Хотя Крис и отвлекает меня, я, в конце концов, втягиваюсь в представление Сабина. Может, я и ни черта не понимаю в актерском мастерстве, но точно знаю, что наслаждаюсь игрой и смеюсь не один раз. Я разочарована, когда все заканчивается, отчасти потому, что придется оставить место рядом с Крисом, но также и потому, что мне было очень приятно наблюдать за новым другом на сцене.

Раздаются аплодисменты, и я чувствую на себе взгляд Криса, когда он встает и начинает хлопать. Я искоса смотрю на него. Проклятье, эта кривоватая усмешка такая привлекательная. Я поднимаюсь с места и поднимаю руки над головой, громко аплодирую, пока Сабин ходит по сцене и кланяется. Шепарды кричат и улюлюкают, и их энтузиазм заразителен. Я хлопаю еще громче. Крис кричит имя Сабина, Эстель свистит между пальцами, а Эрик залезает на кресло. Тянет вверх и Зака с Эстель. А Эстель хватает меня за руку, тоже заставляя залезть на сиденье. Я опускаю глаза и протягиваю Крису ладонь. Ощущения от наших сплетенных пальцев почти невыносимы.

Сабин оглядывает зал и видит нас. Он счастливо улыбается и указывает в нашу сторону. Его семья сходит с ума, и, хотя я с ними, чувствую болезненную зависть от того, как они близки. У меня с Джеймсом уже давно все не так. Такое чувство, что у меня больше нет брата, и я могу представить, что он не думает обо мне как о сестре. Это ненормально и неприемлемо. Я очень по нему скучаю. Буду больше стараться. Больше, но без давления. Что бы это ни значило. Джеймс не очень хорошо реагирует на мои истерики, так что придется придумать, как держать свои эмоции под контролем, когда я с ним разговариваю.

Зажигается верхний свет, и зрители начинают расходиться. Я чувствую, как Крис стоит за спиной, пока мы ждем, чтобы выйти из прохода. Кажется, что проходит целая вечность, прежде чем мы все выбираемся из здания.

– Где, черт подери, Сабин? – спрашивает Эстель. – Он сказал, что выйдет сразу после представления.

– Наверное, прикидывает, на какую вечеринку пойти. Он сейчас появится, – успокаивает ее Крис.

Я намеренно отхожу от Криса и болтаю с Эриком и Заком. Несколько раз ловлю на себе его взгляды, но он не делает попыток приблизиться. Мы с Эриком обнаруживаем, что ходим на общее занятие по английскому языку и по теме «Любовь и безумие в литературе восемнадцатого века». Это факультативный курс, который открыт как для второкурсников, так и для старшекурсников, и он самый популярный среди студентов.

– И кого ты предпочитаешь? – интересуется Эрик. – Маркиза де Сада или Кейт Шопен? Я смеюсь.

– Ну, это зависит от того, в какой день ты меня спросишь и насколько я буду склонна к мазохизму. А ты?

Эрик ухмыляется.

– Похоже, ты девушка моей мечты.

– Значит, Маркиз де Сад, – хором восклицаем мы.

Зак качает головой и обнимает Эрика, растирая ему руки, чтобы отогнать прохладу октябрьского вечера.

– Думаю, вам обоим не помешало бы поменьше безумия и побольше любви. – Он целует Эрика в щеку. – Но я согласен любить сумасшедшего.

Эрик стонет, но не может сдержать улыбку.

– Какая драма.

– Мои преданные поклонники собрались и ждут моего появления! – Сабин пронесется мимо нас и останавливается рядом с Эстель. Он переделался из костюма в джинсы, футболку и кожаную байкерскую куртку, но остатки макияжа все еще подчеркивают его и без того темные глаза. Сабин весь раскрасневшийся и на подъеме после выступления. Или после бутылки текилы в его руках. В любом случае от него исходит настоящий вихрь энергии.

– Итак? Чего думаете? Чего думаете? Блайт, ты первая. Давай, вываливай. Ужасно было, да? Ты уснула? Была почти в коме, и тебя нужно было пробудить поцелуем? – Он театрально вскидывает бровь. – Но я вижу, тебя оживили. Хм-м...

– Конечно, не заснула! – возмущаюсь я. – Ты был великолепен. Честно, Сабин, замечательное представление.

Он сияет.

– Благодарю. Это очень любезно. Ладно, кто следующий? Кто еще готов расточать бесконечные похвалы лучшему в мире актеру? Кто-нибудь? Seriously? Никого? Я раздавлен.

– Ты же знаешь, что прекрасно выступил, – говорит Эстель. – Твое эго и без наших заискиваний достаточно велико. – Затем она подносит руку ко рту и шепчет: – Но ты был великолепен.

Парни подкидывают еще несколько заслуженных комплиментов до тех пор, пока даже Сабин не смущается.

– Ладно, ну-ка, пойдёмте. На холме играет группа, и у меня как раз есть местечко для наблюдения.

Он ведет всю компанию через кампус, и ему приходится перекрикивать шум разминки группы и болтовню толпы из театра.

Я застываю на месте, не зная, что делать. Должна ли я идти с ними? Меня пригласили? Хочется ли мне вообще?

– Я... Собираюсь вернуться, – говорю я, ни к кому конкретно не обращаясь. – Огромное спасибо...

– Я все слышал! Блайт, иди сюда! – кричит Сабин через плечо. – Ты никуда не уйдешь, верно, народ? Думаю, она с нами застряла, я прав?

– Блюй радугой! – кричит компания.

Я спешу к Сабину и позволяю ему обнять меня за плечи.

– Блевать радугой? Объясни.

– Глупая семейная шутка. Наплевать на все перед лицом трагедии и все такое. – Он махнул рукой. – Насколько я понимаю, тебе это знакомо.

Крис рассказал им про моих родителей. Прекрасно. Они относятся ко мне, как к сироте, кем я, собственно, и являюсь.

– Серьезно, мне нужно вернуться в общежитие и...

– Заткнись, – шутливо говорит он. – Я знаю, о чем ты думаешь, но ты с нами не поэтому.

Мы с минуту идем молча.

– А почему?

Сабин пожимает плечами.

– Разве здесь обязательно должен быть ответ? Иногда это просто правильно. Ты нам подходишь. Боже, малыш, разве ты не чувствуешь? Не нужно во всем сомневаться.

Я улыбаюсь. Действительно чувствую. Связь. Ее трудно распознать. Даже напряженные отношения с Крисом не могут этого изменить. В голове звучит голос Криса. «Хватит бороться». Кроме того, так приятно, когда большой и сильный парень, как Сабин, тепло и по-медвежьи обнимает за плечи.

– Хватит называть меня малышом. Я старше тебя.

– О-о, какая дерзкая девчонка! Мне нравится! – Он трясет меня за плечо своей огромной ручищей, и я хихикаю.

– Так куда мы идем?

– Увидишь.

Он ведет нас по освещенным дорожкам между зданиями студенческого городка и вверх по склону холма к самому современному зданию в Мэттьюсе.

– Добро пожаловать в «Введение в архитектуру»! Была здесь?

Я качаю головой.

– Выглядит круто, но мы же не можем войти, верно? Здание явно закрыто.

– Мы не будем заходить. Мы будем залезать. – Когда он спускает пожарную лестницу со стороны здания, шум, кажется, эхом разносится по всему кампусу. – Мы лезем наверх.

– Сабин! – Но он уже начинает подниматься по лестнице. – Сабин! – снова кричу я.

Ума не приложу, как справлюсь с этой шаткой пожарной лестницей в сумасшедших босоножках Эстель. Я поднимаю взгляд. Сабин уже добрался до крыши. Дерьмо. Я не любительница идти против правил, но это всего лишь незначительное нарушение, так что я не собираюсь пасовать из-за сексуальной обуви.

Я осторожно поднимаюсь на первые ступеньки.

– Помощь нужна?

Мне не нужно смотреть вниз, чтобы узнать, кто это. Его голос трудно не узнать: из-за тембра и того, как сходит с ума мой пульс.

– Все в полном порядке, – отвечаю я и продолжаю подниматься.

Слышу, как Крис и остальные болтают внизу, но все стихает, когда я оказываюсь наверху. Сабин стоит, нагнувшись над бетонным выступом со стороны кампуса.

Он салютует мне бутылкой.

– Ты это сделала, дерзкая девчонка!

Я раздраженно трясую ногой.

– Еле-еле. Спасибо босоножкам Эстель. – Теперь я стою рядом с ним и люблю вид. Кампус ночью выглядит довольно эффектно.

– Эй, возвращаясь к старому разговору, – начинает Сабин, снова приобнимая меня за плечи, – я искренне сожалею о твоих родителях. Это ужасно.

– Благодарю. А мне жаль, что ты потерял маму. Ты был, наверное, очень маленьким, да? Сабин кивает.

– Мы все.

– Я рада, что, по крайней мере, у вас есть отец.

Он смеется.

– Не стоит.

– Почему? Вы не ладите?

Сабин оглядывается назад. Крис протягивает руку и помогает Эстель перелезть через край последней ступеньки лестницы.

– Мой отец – придурок. Крис думает о нем еще хуже, но с папой лучше действительно не связываться.

– Ох. Тогда мне вдвойне жаль.

– Ничего страшного. Мы стараемся держаться от него подальше, так что это больше не проблема. Теперь у нас все хорошо? – Он ставит бутылку между нами. – Пожалуйста, откройте, мадам. Я не готов вас отпустить. Крис тут же украдет.

Я практически фыркаю.

– Ага, конечно. С трудом верится. – Я откручиваю крышку на текиле.

– Не будь такой уверенной. – Сабин смотрит мне за спину, Крис и Эстель движутся в нашу сторону. – Где Эрик и Зак?

– Ты же знаешь, как он не любит высоту, – отвечает Эстель. – Очнись, Сабин. Как давно вы с ним знакомы?

– О боже, да что это со мной? Я совершенно забыл. – Сабин на мгновение становится серьезным. – Я дурак. Пойду за ним.

– Не переживай, – говорит Крис. – Ты знаешь Эрика. Он не очень любит публичные зрелища. – Сабин поворачивается ко мне. – Эрик больше одиночка, просто для сведения. Он самый тихий из нас.

– А я все время думала, что это ты.

– Ох, как мило, мисс Блайт. А вы забавная, как я погляжу. – Он гладит меня по руке.

– Замерзла? – спрашивает Крис, но я не оборачиваюсь. – Хочешь, дам свою куртку?

– Я в порядке. Спасибо.

На самом деле мне холодно.

– Я позабочусь. – Сабин убирает руку с моего плеча и снимает кожаную куртку. – Тебе определенно холодно.

Я поднимаю взгляд, пока просовываю руки в любезно подставленную куртку. Мы снова поворачиваемся в сторону музыкантов, и Сабин наклоняется ко мне, говоря так тихо, чтобы только я могла слышать:

– Немного ревности никому не повредит, да?

Мне потребовались все силы, чтобы сдержать улыбку.

Сабин делает глоток и предлагает мне:

– Выпьешь?

– Нет, спасибо. – Я продолжаю любоваться огнями кампуса, стоя спиной к Крису. – У нас с текилой ужасное прошлое.

– Ха! А с ней бывает другое?

Я смеюсь.

– Справедливо. Давай.

Даже маленький глоток текилы обжигает горло.

– Черт, крепкая. – Но все равно делаю еще один глоток. – Полагаю, соль и лайм ты с собой не носишь?

– Я нет. Предпочитаю пить в чистом виде.

– Могу поспорить, что в сумочке твоей сестры есть все.

– А я спорю, что нет.

– Спорим, что да? – Я поворачиваю голову и прерываю разговор Криса с Эстель: – Эстель, у нас тут спор. У тебя, случайно, нет лайма и соли?

– Зависит от того, кто считает, что у меня нет?

Я разворачиваюсь.

– Сабин.

– Ну, давай посмотрим, – загадочно протягивает она. Одна из лямок сваливается с плеча, пока Эстель копается в своей огромной сумке. Крис и Сабин качают головами. Она поднимает взгляд и ухмыляется: – Лови.

Я скидываю перед Сабиним руку и хватаю передачу.

– Один лайм, – довольно говорю я.

– Здесь только половина, – ворчит он.

– И, – добавляет Эстель, продолжая рыться, – примерно двадцать пакетиков соли из кафе.

– Черт бы меня побрал. – Сабин разводит руки и надвигается на нее. – Ты заплатишь за это, сестренка!

– Считаю, что это праздничное конфетти, – кричит она, подбрасывая упаковки в воздух. Сабин кидается на нее, но ей удается вскарабкаться на брата и оседлать со спины.

– Быстрее! – командует она. Эхо разносит веселые визги, когда Сабин начинает носиться взад и вперед по огромной крыше. Они с хохотом валятся друг на дружку и так и остаются лежать в беспорядочной куче.

Замечательно. Теперь я осталась без прикрытия Сабина наедине с Крисом. То, чего мне хочется больше всего и одновременно чего сильнее всего боюсь. Студенческая группа закончила настраивать звук и уже начала играть довольно хорошие кавер-версии песен в стиле инди и альтернативного рока. По крайней мере, музыка наполняет тишину между нами. Я отворачиваюсь, делая вид, что наблюдаю за сценой. В конце концов, Крис подкрадывается ко мне.

– Привет, – тихо говорит он.

Меня бесит, какой идеальный у него голос. Хотя я и провела бесчисленное количество времени, мечтая о нем во время пробежек и – что греха таить – по ночам, но все равно дико волнуюсь рядом с ним. Да и как не переживать? Я приставала к нему в комнате (вероятно, с меньшим мастерством, нежели он привык), а потом ничего от него не слышала, за исключением эмоционального плей-листа.

Любит, не любит, любит...

– Привет, – отвечаю я. – Текилы?

– Конечно, почему нет? Выпьешь со мной? – Крис достает из кармана брюк связку ключей с перочинным ножом и забирает у меня лайм. – Я даже успел поймать несколько пакетиков соли. – Он приседает передо мной и на колене режет лайм. Я не могу не улыбнуться, когда он протягивает мне дольку.

– Что смешного?

До этого вечера я уже давно не пила, и несколько глотков текилы явно ударили мне в голову, потому что я начинаю хихикать и не могу остановиться.

– Почему ты смеешься? – удивленно спрашивает он.

– Это выглядит, словно ты просишь моей руки, предлагая лайм.

Он ухмыляется:

– Наверное, так и есть. Ну и? Ты возьмешь лайм или нет?

– Да. – Я забираю дольку из его руки. – Неописуемо тронута вашим предложением.

– Ах, благодарю. Думаю, могу пообещать, что это предложение лайма – самый большой шаг к институту брака, который я совершу.

– Значит, мы мыслим одинаково, – говорю я. – Если люди искренне друг друга любят, то к чему все эти церемонии?

– Точно. – Он встает. – Соль?

Я киваю и облизываю участок кожи возле большого и указательного пальцев, а Крис сыплет туда соль. Я слизываю ее, делаю глоток текилы и закусываю лаймом. Секунду посасываю его, а затем говорю:

– Идеальное сочетание. Все старания прошли не зря.

– У меня нюх на такие вещи. – Он подмигивает, прежде чем облизать и посолить себе руку. Хорошо, что он не может читать мои мысли, потому что при виде его языка у меня подкашиваются коленки. Очевидно, я простила его исчезновение на последние несколько недель. Это легко, когда мы вместе.

Он делает глоток и тут же заходится кашлем.

– Боже, какое же дешевое дерьмо пьет Сабин. – Он высасывает свою дольку лайма.

– Это да. Отвратительная гадость. – Я замолкаю. – Еще хочешь?

– Естественно.

И мы повторяем.

Прокашлявшись после очередного раунда слишком больших глотков текилы, мы стоим бок о бок и наблюдаем за толпой под нами, которая становится все больше и шумнее. Группа девушек перед сценой начинает улюлюкать и скандировать, когда кто-то выходит на сцену. Я прищуриваюсь.

– Эй, а это не...

Крис прослеживает мой взгляд.

– О господи, да. Это Сабин. Должно быть, они с Эстель спустились по черной лестнице. Я даже не заметил.

Мы смотрим, как Сабин расхаживает по сцене и машет рукой обезумевшей толпе.

– Это для нового члена клана. Я уже люблю тебя, Би! – кричит он в микрофон.

– Черт бы меня подрал! – Я закрываю глаза. – Что он делает? Поет?

– Он может делать все что угодно.

– Я знаю, что ты там, наверху, сладкая моя. – Сабин смотрит в сторону крыши, перекидывает ремень через плечо и начинает перебирать пальцами по струнам акустической гитары. – Больше никаких тревог, обещаю мне.

Он поет глубоким, красивым голосом с хрипотцой, и я тронута до глубины души, что песня посвящена мне. Не знаю, о чем эта песня изначально, но понимаю, что хочет мне сказать Сабин. Он говорит оберегать свое сердце. Он говорит о своевременности, мечтах и выживании. Но в основном он поет, чтобы я прекратила переживать. Радовалась настоящему и двигалась дальше.

Впервые мои глаза наполняются слезами от счастья. Я смаргиваю их. Сабин прикрывает ладонью глаза от света и смотрит на крышу. Он машет рукой, а затем смешно изображает боксера-чемпиона, сотрясая воздух кулаком, а затем поднимая обе руки в воздух и делая круг победы по сцене. Он во всех смыслах просто замечательный.

– Сабин хороший парень, да?

– Ага, – соглашается Крис. – Так и есть. Он невероятный.

Я не свожу глаз со сцены.

– Ты тоже. – Текила развязывает мне язык.

Прежде чем я успеваю пожалеть о своих словах, меня спасает Эстель.

– Это твой брат, не мой! И, эй, где мой лайм?

Крис отрезает еще одну дольку, на этот раз используя стену вместо колена.

– Я не знаю, что с ним не так, – ласково говорит он.

Эстель хватает бутылку и свободной рукой приглаживает все еще идеальные волосы, пока старается отдышаться после поспешного подъема по лестнице.

– Слишком много всего. Но взгляни на него. Он прекрасен. – Глоток текилы заставляет ее так же скривиться, как и нас. – Боже, ну и поило. Никакой лайм не спасет.

Она подходит к нам, и мы молча наблюдаем, как Сабин царит на сцене. Она потирает висящий на шее крест.

– Хотелось бы мне, чтобы Эрик остался.

– Мне тоже. – Крис гладит ее по спине. – Он с Заком. С ним все хорошо.

– Знаю. Просто мне хочется, чтобы он проводил с нами больше времени. В любом случае, Блайт, я рада, что ты с нами. Давайте, пейте, и пойдём вниз. У Сабина есть для нас место возле сцены. Думаю, нам предстоит долгая ночь.

Глава 10

Курс на вечность

Крис придерживает мне дверь общежития.

– После вас, мадам.

– Спасибо. – Я захожу в тускло освещенный коридор. Каким бы веселым ни был вечер, я рада вернуться. Толпа, музыка, шум, постоянное общение... Все это очень утомительно для меня, и я готова расслабиться. От грохота динамиков со сцены в ушах звенит, а голос охрип из-за необходимости перекрикивать музыку. Но я благодарна Сабину за то, что был моей опорой этой ночью. Он позволял обращаться к нему каждый раз, когда мне нужно было немного передохнуть. Становился моей стеной, когда от шума и людей кругом шла голова. Крис? Крис представлял большую опасность. Тяга к нему требовала больше смелости. Крис видел, что этот вечер для меня слишком тяжел и непривычен. Он спросил, наверное, раз пятнадцать, все ли в порядке и весело ли мне. Похоже, он знает меня и мои страхи больше, чем следовало бы. Видимо поэтому он предложил проводить меня домой, когда Сабин встретился с Кристал, а Эстель получила сообщение и тут же умчалась вместе со своей огромной сумкой.

Войдя в общежитие, мы с Крисом останавливаемся, понимая, что пора расходиться. Я устала, но еще не готова расстаться. По крайней мере, голова у меня уже несколько часов ясная с тех пор, как мы бросили эту мерзкую текилу на крыше корпуса архитекторов. Я знаю, что не сделаю ничего ужасного, например, не накинусь на Криса. Несмотря на столь сильное желание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.